

Ночная

Таксистка

Анжелика
Перова

Анжелика Перова
Ночная таксистка

«Автор»

2023

Перова А.

Ночная таксистка / А. Перова — «Автор», 2023

Все ли так просто в окружающей нас действительности? Возможно ли, что невзрачный сосед обладает уникальной способностью и знает мир чуть больше нас? К чему может привести желание человека вмешаться в эволюцию и приравнять себя к Богу? Главная героиня "Ночной таксистки" слепа от рождения, но видит намного больше других, ибо нас обманывают глаза, а она смотрит внутрь человеческой природы. Но все же без друзей ей не справиться с приключениями, выпавшими на ее долю. Странная компания собралась вокруг Анны: бандит, полицейский, инструктор по вождению, сын профессора и карлица Тася - всех их объединяет дружба и стремление спасти человечество от невольного рабства.

© Перова А., 2023

© Автор, 2023

Анжелика Перова Ночная таксистка

1

Солидный, не первой молодости экзаменатор по автоделу Петр Иванович, не любил принимать экзамены по вождению у молодых красивых женщин. Сам по природе своей невысокий, хилый, но уже с брюшком, он чувствовал себя рядом с ними ошибкой природы, каким-то бесплатным блеклым приложением к модному глянцево-му журналу. И хотя, по своей натуре Петр Иванович был не злым человеком, но свою невзрачность он компенсировал особой придирчивостью именно к красивым женщинам. Он в душе потешался над ними, злорадствовал, считая их пустыми куклами, и только. Его коллеги знали о его комплексе неполноценности, подшучивали над ним, и всем своим знакомым дамам советовали придти на его экзамен одетыми как можно скромнее, без макияжа, не пытаться заигрывать и, по возможности, выставить себя полной идиоткой. У глупых дурнушек было больше шансов сдать экзамен с первого раза. Именно поэтому, в предвкушении развлечения, все сослуживцы высыпали на улицу, несмотря на морозящий мелкий, как из сита, дождь, когда увидели в окно очередную претендентку на получение прав на вождение.

Девушка не была красавицей в полном смысле слова, но про таких говорят: эффектная. Длинные прямые и высветленные до миткалевой белизны волосы спадали чуть ниже плеч на яркий красный блестящий от капелек влаги плащ, который не скрывал точеной фигуры и стройных ног, обутых в такие же красные на острых каблучках полусапожки. Черты бледного лица не были правильными: слишком острые скулы, слишком широкий нос и весьма большой рот. Но это лицо было из тех, которые привлекают ваше внимание, запоминаются, и хочется рассматривать их долго, чтобы понять природу очарования. Девушка в отличие от большинства экзаменуемых женщин не дергалась, не нервничала, не комкала носовой платочек, а стояла прямо, не шелохнувшись, и даже будто не замечала шестерых мужчин в пяти метрах от себя, которые рассматривали ее как диковинное животное. Она лишь прикоснулась в нетерпении кончиками пальцев в черных лайковых перчатках к дверце умызанного старенького жигуленка, будто желая открыть дверь пассажиру. И нельзя было прочесть никаких эмоций на ее лице, потому что верхнюю часть его скрывали большие глубоко черные солнцезащитные очки. Петр Иванович нахмурился. – Жень, в чьей группе была? – буркнул недовольно он.

– Хрен ее знает, Иваныч, – ответил тот, кого назвали Женей. – Не в моей, точно, и не у Смирнова, я бы запомнил.

– А в нашем с Сан Санычем в наборе из баб были только две малолетки, – отозвался молодой долговязый мужчина.

– Так откуда эта фифа взялась? – снова спросил Петр Иванович, оттягивая время. Он знал, что робость пройдет, как только он сядет с женщиной в машину и почувствует себя хозяином положения, но чтобы подойти к ней – нужно было собраться с силами. – Да ладно, Иваныч, тебе какая разница? Деньги уплачены, документы есть. Может, какая-нибудь из новых русских, которых муженьки никуда не пускают, даже на курсы вождения. Сами их учат, а потом только сдавать на права привозят. – Такие русские своим женам права покупают, – возразил Петр Иванович. – Петр Иванович, сколько время не тяни, все равно тебе к ней пойти, – высказался в рифму долговязый и все заулыбались. – Ладно, – отозвался Петр Иванович. – Подойдем к врагу поближе и разобьем в ближнем бое. Тоже мне, выпендрилась. А очки зачем напялила? Ведь не май месяц все-таки, дождь моросит на улице. – А может у нее имидж такой, – предположил молодой балагур.

– Чего?

– Или фингал под глазом от муженька. Иди, Иваныч, не дрейфь. Мы рядом.

Петр Иванович засеменял кособокой походкой, что с ним всегда случалось, когда он нервничал.

– Видал, поскакал, как горный козел, – подтолкнул под локоть один коллега другого, и все ехидно заулыбались. Петр Иванович, на ходу, не оглядываясь, показал им за спиной кулак.

– Ты глянь, она действительно открыла ему дверцу. Во дает баба!

– Пропал Иваныч!

– Или она влипла.

– А жаль, интересная бабешка.

Петр Иванович с серьезным видом водрузился на место пассажира и коротко бросил:

– Поехали. Девушка, не задавая ни одного вопроса, включила зажигание и мягко тронулась с места. Петр Иванович зорко следил за всеми ее действиями. Так, ремень безопасности не забыла, с ручника сняла, сцепление выжала плавно, скорости не забыла. Старенький автомобиль, ремонтируемый чуть ли не после каждого экзамена, который чихал и кашлял на каждого нового седока, показывая свой дурной характер, стал вдруг послушным и ласковым как теленок. Мотор мурлыкал ровным довольным голосом домашнего кота и ни разу не заглох.

– Так, два круга по полосе и в город, – снова отрывисто скомандовал Петр Иванович.

Полосу препятствий девушка прошла безукоризненно.

– Как зовут? – спросил Петр Иванович, доставая блокнот.

– Ястреб.

– Что? – возмутился Петр Иванович. – Мы что, в тюрьме на нарах? Никаких кличек. Ваше имя, фамилия, отчество.

– Ястреб Анна Ивановна, – пояснила спокойно девушка, не поворачивая головы.

– А-а, – понятиливо протянул Петр Иванович, сконфуженно что-то черкая в блокноте.

В первый момент он хотел извиниться, да передумал. Невелика фифа.

– Адрес, – так же коротко, как и он, попросила девушка.

– Какой адрес? – не понял сразу Петр Иванович.

– Куда везти?

– А вы что, такси?

– Вы сказали ехать в город, а город большой. Вы можете точнее указать район?

– Давайте поворачивайте на проспект Коммунаров, а там я скажу.

Она все сделала правильно. Включила поворотник, пропустила машины по главной улице. Руки девушки двигались без суеты и лишних движений, будто автоматически. Петр Иванович даже залюбовался ею исподтишка. Он мог бы поклясться, что сидит рядом с опытным профессионалом, за плечами которого многолетний стаж вождения, если бы не был ее экзаменатором. Хотя, что и маловероятно, но можно ездить много лет и без прав.

– Через два квартала направо, на улицу Смирнова, – скомандовал Петр Иванович свой любимый прием. Он знал, что там поворот запрещен. Но новички, которые не успевают следить за всем и стараются угодить экзаменатору, очень часто ловятся на этот подвох.

Девушка промолчала, даже не кивнула головой, что слышала команду и спокойно проехала поворот.

– Вы что, не слышали меня? – ехидно спросил Петр Иванович. – Я сказал на улицу Смирнова.

– Сейчас там будем, – спокойно ответила девушка. – Я сверну на следующей улице и по Картежному переулку выеду на улицу Смирнова, а там где вы сказали, висит знак, что поворота направо нет.

Петр Иванович открыл рот, чтобы возмутиться, но тут же закрыл его. Девушка оказалась умнее, чем он думал. Он растерялся. Возразить было нечего. Теперь надо подумать, что делать дальше. Эта ненормальная точно привезет его на улицу Смирнова, а выезд оттуда один – через Слободу, в других местах как всегда перекопано. А спускаться на машине со Слободской

горки в сырую погоду не всякий профессионал рискнет. Старинная булыжная мостовая спускалась круто вниз и заканчивалась резким поворотом налево. В дождь отшлифованные столетиями камни покрывались липкой слизью грязи, смываемой с городских улиц. А зимой по ней и вовсе не ездили машины на радость местной детворе, которая устраивала здесь санные состязания.

Вот и сейчас моросил дождь. Учебная машина сломалась. И пришлось взять свои «Жигули» вопреки всем правилам. Петр Иванович ничего не смог придумать, кроме того, что по приезду на улицу Смирнова, он попросит остановиться у первого попавшегося дома, развернуться и ехать обратно. Он, в конце-то концов, экзаменатор и может просить все, что угодно, не обосновывая.

От этой мысли мужчина успокоился, и даже обмяк на сиденье, расслабив и отпустив животик, который до этого момента бессознательно втягивал, как всегда при виде привлекательной женщины. Он стал всматриваться в мелькающие дома, выбирая место с разворотом посложнее. Задумался о чем-то своем и не сразу заметил, что машина остановилась с включенным мотором.

– Почему остановились? – встrepенулcя он.

– Улица Смирнова закончилась, – ответила девушка, не поворачивая к нему головы. – А я так и не дождалась вашего распоряжения, что делать дальше.

– Угу, – пробормотал Иван Петрович, делая бессмысленные пометки в блокноте и проклиная себя за то, что он так нервничает рядом с красивой женщиной. Он немного погрыз кончик ручки и вдруг, неожиданно даже для самого себя, скомандовал: – По Слободе вниз, на Жучиху. Потом выезжайте на Коммунаров, где позволено, и к школе.

Девушка молча потянула старомодный ручной тормоз. Иван Петрович приготовился к худшему. Но он знал, что новички очень осторожничают, и, в крайнем случае, все может закончиться разбитыми фарами и помятым бампером, а к этому в автошколе давно привыкли. Но если бы он знал, чем закончится дело на самом деле, то предпочел бы съесть все свои записи в блокноте и, вообще, не выходить в этот день на работу...

Женщина медленно нажала на газ. Машина слегка фыркнула, как бы выражая свое несогласие, но послушно покатилаcь вперед. Крутой склон открыл умиротворяющую панораму с широкой рекой, набережной, утопающей в осенней гамме увядания и...

Мальчишка лет десяти, на велосипеде, стоял посреди дороги и безрезультатно пытался выдернуть застрявшую штанину из цепи. До него оставалось еще приличное расстояние, но мокрый булыжник не давал машине остановиться. А с двух сторон от него, по обочинам, стояло еще с десятков мальчишек, дававших ему советы. Дальше за ними бесконечные глухие заборы перед частными домами с калитками, на которых неизменно красовались таблички со злой собакой.

– Тормози!!! – закричал Иван Петрович, вжимаясь в сиденье. – Нет, направо! Налево! Нет!!! Тормоз!!! Тормоз! Тормо-о-о-оз!!!

Молодая женщина отреагировала на его слова довольно-таки странно. Она молча нажала на газ со всей силы, круто вывернула влево, потом вправо, и с миллиметровым зазором промчалась на полной скорости между разбегающейся детворой, только потом нажала на тормоз. Машину развернуло почти на сто восемьдесят градусов, и она медленно съехала юзом к пересекающей улице, едва не встав поперек перед проезжающей по пересекающей улице машиной.

– Хр-рр! – только и хрюкнул Иван Петрович, обливаясь потом.

Повисла гнетущая тишина. Девушка все также смотрела прямо и внешне была абсолютно спокойна, будто только что выполнила самый обычный разворот. Даже руки на руле лежали расслабленно и невозмутимо. Иван Петрович достал носовой платок и оттер лоб.

– Я не сдала экзамен? – спросила девушка. Голос ее звучал тоже спокойно и обыденно. И вопрос она задала так, будто он же и был ответом.

Иван Петрович нервно оглянулся. Одиноким мальчишка со штаниной в цепи стоял на прежнем месте, открыв то ли от неожиданности, то ли от восхищения рот.

– Нет, – просипел он.

– Что я сделала не так? – снова невозмутимо спросила девушка, не повернув головы.

– Поехали домой, – устало попросил Иван Петрович, не уточняя, к нему домой или в автошколу.

Девушка завела мотор и уверенно повела автомобиль по известным ей закоулкам. Иван Петрович уже не следил за ее действиями. Он переживал случившееся.

За пятнадцать лет его работы в автошколе он впервые попал в такую переделку. Они чуть не сбили детей! Одного этого хватит, чтобы попроситься на досрочную пенсию, которая уже два года висит над ним дамокловым мечом. Он восхищался и одновременно ненавидел сидевшую рядом молодую женщину. Что-то в ее поведении настораживало его. Он не мог понять что, но это свербело в мозгу, как укус подвального комара. Без нудящего приближающегося звука, без большого укуса, но укол, от которого долго зудит и раздражает. И, приближаясь к автошколе, Иван Петрович понял, что в поведении его экзаменуемой было не так.

Он вышел из машины под прицелом коллег самоуверенный и, несмотря на все, довольный.

– Так я сдала экзамен? – на этот раз вопрос девушки прозвучал заискивающе.

– Нет, – коротко и с удовольствием отрезал Иван Петрович.

– Почему? – глухо и обреченно спросила девушка.

– Об этом вы узнаете у ответственного инспектора, – мысленно Иван Петрович уже потирал руки.

Коллеги у входа в автошколу с сочувствующей улыбкой к девушке и с ухмылкой к нему уже делали свои ставки.

– А все-таки? – девушка настойчиво перегородила ему дорогу. – Прошу, скажите, что я сделала не так? Это для меня очень важно.

Голос ее звучал так, будто это, действительно, было смыслом ее жизни. И Иван Петрович сдался.

– Вы ни разу не посмотрели в боковое зеркало или в зеркало дальнего вида, – произнес он после секундного колебания.

– Это неправда, – тихо возразила девушка.

– Правда. И по чистой случайности вы ничего не нарушили.

– А все-таки? – девушка робко тронула его за рукав.

– За все время вождения, надо отметить неплохого, любой профессионал вам позавидует, вы ни разу не повернули головы в ту или иную сторону. Или очки вам мешают, или вы так самоуверенны, но я ручаюсь, что вы ездите, не глядя по сторонам. Я за вами наблюдал. И скажу, что вам не место за рулем автомобиля.

Иван Петрович произнес свою тираду нарочно громко, чтобы коллеги у здания его услышали. Он уже слышал их хихиканье. Ну и что? Он же прав! Пусть потешаются. Но женщина, которая ездит чуть ли не с закрытыми глазами, никогда не получит у него положительную отметку. Он только сейчас до конца понял, что в ней не так. Она сидела за рулем, как робот, которому не нужно оглядываться. У которого не зрение, а сенсорные датчики вокруг головы. Она ни разу не оглянулась. Из-за ее очков он не видел оценивающего обстановку взгляда, что всегда присуще водителю. Она смотрела только вперед. Даже в той ситуации с мальчишками, она не запаниковала, не закрутила головой, что было бы естественным, не закричала, как другие женщины, а сделала то, что должна была сделать. Но это и настораживало!

– И это все?! Девушка встала перед Петром Ивановичем, предоставив его коллегам рассматривать ее спину. Ее тихий голос не долетал до них, но Ивану Петровичу и не нужно было этого. Ему доставляло удовольствие, что все видят – молодая женщина уговаривает его.

– Значит, у меня нет шансов, – обреченно произнесла девушка. – А ведь меня предупреждали. Но я хотела, чтобы все было по-честному. Я умею водить машину. Я с десяти лет это делаю. И с тех пор, как погиб мой отец, я не перестаю совершенствоваться. Это он меня учил, а он был первоклассным водителем. Жаль, что вы отнимаете у меня кусок хлеба.

– При чем тут кусок хлеба? – возмутился Петр Иванович. Ему стал надоедать разговор. – Вы молодая, красивая. Неужели не найдется для вас работы?

– Как вы думаете, кто возьмет меня на работу такую?

С этими словами девушка опустила голову и медленно, даже как-то нарочито и картинно, сняла очки. Веки ее удлиненных глаз были опущены и чуть трепетали, а длинные густые черные ресницы, которых никогда не касалась тушь, лучиками звезд лежали на гладкой бледной коже. Петр Иванович невольно залюбовался непривычной красотой. И ему нестерпимо захотелось узнать, какого цвета у девушки глаза.

И вот она подняла веки. Медленно расправила плечи, выпрямилась, приподняла голову и взглянула ему в глаза. У Петра Ивановича побежали по коже мурашки, а в груди что-то екнуло и противно подкатило к горлу. Челюсть его невольно отвисла. Коллеги, стоявшие сзади, видели только его спину, но не видели лица девушки, но по спине Петра Ивановича догадались, что что-то не так.

Он же медленно развернулся на сто восемьдесят градусов, опомнился, что рот открыт, захлопнул его с глухим звуком, постоял секунду и снова повернулся к девушке. Она стояла и все так же смотрела на него. Именно смотрела. Хотя у нее вовсе не было зрачков. Только белки глаз как у античных статуй.

– Иваныч, чем тебя так поразили, что ты передумал идти к нам? – крикнул кто-то за спиной, но Петр Иванович даже не оглянулся.

– Но как же? – пролепетал он, холодея от запоздалого страха, что ездил со слепым водителем.

Девушка неспешно надела очки, чему Петр Иванович был несказанно рад, открыла лакированную сумочку, одним движением пальцев достала оттуда карточку и протянула ее:

– Если вы захотите что-нибудь мне сказать позже, то позвоните.

Девушка гордо повернулась и зашагала прочь с таким видом, будто это Петр Иванович только что не сдал у нее экзамен, а не она у него.

Петр Иванович перевел взгляд на кусочек картона, который он машинально взял у девушки. Там было напечатано ее имя и номер сотового телефона, больше никаких данных.

– Иваныч, да иди же ты сюда, – позвали коллеги. – Или ты влюбился?

Мужики загоготали в предвкушении потехи. Петр Иванович оглянулся на них невидящим взглядом, подошел к своей старенькой машине, сел в нее и осторожно прикрыл дверь.

– Че это с ним?

– А фиг знает.

– Поди спроси, Жень.

– Идите сами.

– Он вроде бы к тебе ниче относится, а нас пошлет, сам знаешь, куда.

– И правильно сделает. Чего мы все к нему липнем? Нормальный мужик. Ладно. Схожу.

Но лишь только Женя приблизился к машине, где Петр Иванович нашел убежище неизвестно от чего, быстро завел мотор и дал по газам. Молодой инструктор только и успел отскокить от брызг грязи, заметив через стекло, сосредоточенное лицо с отрешенным взглядом.

2

– Алло, Анна Ивановна? – Петр Иванович зачем-то скомкал счет за квартиру, лежавший перед ним, – это я...

Будто этим «я» все сказано. Кто он такой, чтоб себя так называть. Но в мобильнике понимающе прозвучал грудной голос диктора центрального телевидения:

– Я поняла, я узнала, Петр Иванович.

И снова пауза. Бесконечная и многоговорящая.

– Приходите завтра на повторный экзамен, в девять утра, надеюсь, вы сможете меня убедить, – произнес мужчина. И быстро добавил: – вам удобно в это время?

Мобильник ожил:

– Да, конечно. Спасибо вам огромное...

Но мобильник не отключался. Петр Иванович выдержал паузу и уже хотел нажать на кнопку отключения вызова, как голос произнес:

– Петр Иванович, а может, с вами встретимся?.. Сейчас.

Петр Иванович съезжился.

– Мы с вами в соседних дворах живем, я знаю, я вижу. Поговорим, чтоб вы не сомневались в себе?

В себе?! Петр Иванович разозлился на секунду. Да что эта дамочка себе возомнила?! Но тут же, неожиданно даже для самого себя, остыл и ответил:

– Хорошо.

Он сам не понимал, что происходит с ним, и с этим миром в частности. Мир для него изменился, когда он увидел ее глаза. Глаза статуи, как он мысленно это назвал. Без зрачков. И как? Как эта девушка могла водить машину с таким мастерством? Да и вообще ходить без посторонней помощи. Но он просто принял душой, что это необыкновенная девушка. И он просто обязан ей помочь.

Петр Иванович никогда не был женат, он всю жизнь боялся женщин, особенно красивых. Не то, что он был женоненавистником, просто не думал, что может кого-то привлечь к собственной персоне. Невысок, шупловат, некрасив и не талантлив, неразговорчив и не богат. Только за рулем машины мог себя чувствовать полноценным человеком, ибо рост не так заметен, и машиной можно управлять, а не завоевывать как женщину.

Обо всем этом он думал, пока собирался на встречу. Он даже надел зачем-то галстук, давно висевший для украшения на дверце шкафа.... «Зачем он мне?– думал Петр Иванович. – Она его не увидит.... Или увидит?... А я чего хочу? Она мне в дочки годится. Да, у меня могла быть такая дочь... И это не любовь даже... Смешно.» Но галстук повязал...

Петр Иванович еще раз оглядел себя в зеркало, насмешливо хмыкнул над собой и вышел.

Они встретились на скамейке в соседнем дворе. Она уже не была в красном плаще, а в каком-то сереньком тонком пальто, волосы зачесаны в пучок, что простило ее и делало немного понятнее. Только черные очки в пол-лица продолжали настораживать. К тому же уже стемнело, и вот-вот грозил начаться дождь...

– Спасибо, Петр Иванович, – первой заговорила Анна. – Спасибо, что пришли и вообще позвонили. Но, если честно – я ждала этого и не сомневалась. Я вижу в вас человека.

Последние слова она произнесла так, как будто человек – сам по себе является исключением.

– От чего же? – Петр Иванович быстро справился со смущением, ибо представил, что он на экзамене, а она экзаменуемая. Этот метод всегда срабатывал с ним.

– Я понимаю ваше недоумение, – сказала Анна, едва он присел рядом. – Сложно поверить, что девушка с таким увечьем может быть годна вообще на что-то, кроме тросточки, собаки-поводыря и вечного сожаления.

Петр Иванович попытался что-то сказать, но Анна властно приподняла руку, и он замолчал, не дав словам слететь с языка.

– Прежде, чем мы дальше продолжим дружбу, а это именно так, я хочу рассказать вам, кто я и какая я. Чтоб вы навсегда отметили сочувствие или сомнения. Я знаю, что вам нелегко дался звонок мне, но я его ждала.

Петр Иванович посмотрел на девушку, сидевшую к нему в профиль и не поворачивающую в его сторону головы. «Она видит не меня, а не мой рост и неказистость, она видит ЧЕЛОВЕКА» – подумал он вдруг и... успокоился.

Девушка молчала, молчал и Петр Иванович, обуреваемый вопросами. Наконец Анна заговорила, смотря прямо перед собой, если так можно сказать про незрячую в черных очках.

– Я родилась от союза двух совершенных противоположностей. Так бывает. Мама – биохимик, талантливый ученый. Не знаю, может моя особенность, – родители никогда не называли это увечьем, а именно особенностью, – и связана с работой мамы, но, тем не менее, случилось то, что случилось. Родилась слепая девочка без зрачков. А папа тоже был ученым, но прежде всего – профессиональным гонщиком, завоевавшим много призов. Они встретились на каком-то мероприятии по поводу чествования крупного чиновника, приехавшего в городе, где должны были быть все таланты, и с тех пор не расставались... Они очень любили друг друга и, конечно же, меня. Но, надо отдать должное, никогда не давали мне повод думать, что я инвалид. Я мало помню маму. Мне было шесть лет, когда она умерла. Но папа всегда говорил, что маму убили... Не знаю, но я ему верю. Помню, что она была доброй, ласковой и всегда с улыбкой, даже если были в ее глазах слезы от чего-то тяжелого. Помню, что давала мне какие-то вечные микстуры, таблетки, делала уколы... Зачем? Я же не болела никогда... Это я сейчас вопрошаю, а тогда это было нормой и без вопросов. Помню, что рассказывала ей про картинки, что вижу, она вечно спрашивала об этом. Помню, как она радовалась, если я правильно говорила об увиденном. Но все оборвалось с ее смертью. И папа стал готовить меня к другому. К реальной жизни. Он не давал микстур, он не спрашивал про картинки. Он брал меня за руки и говорил – смотри руками, жми там, делай то... И я делала. Он научил меня водить машину, и я с десяти лет могла похвастаться этим умением... А год назад папы не стало. Погиб. Нелепо, случайно... Но речь не об этом. Я одна осталась. На пенсию инвалида сильно не разживешься. Коммуналка и еда по минимуму. Но не ропщу. Мне много не надо. Но хочется чем-то жить и быть нужной. Чтоб жизнь не превратилась в простое выживание и времяпровождение, а что-то делать. Быть в обществе и с ним. Вы меня понимаете?

Петр Иванович сидел напряженный во время рассказа. Он ли не понимал?! Все свои неполные шестьдесят лет он только об этом и думал. Он чувствовал себя рыбой, выброшенной на сушу, зрителем на чужом празднике, и только сейчас прикоснулся к чьей-то жизни. Он был не один. И это чувство наполняло значимостью все его существо.

– А дальше? – только и произнес он глупый вопрос.

– Дальше? Я решила найти дело, работу. Быть в гуще событий под названием жизнь. Но, понимаете, что мне это сложно. Очень сложно. И я благодарна вам за отклик. Сама не знаю, почему решила все вам рассказать. Нет у меня ни подруг, не друзей, не душевных нянек. А вот вам...

Петр Иванович нутром почувствовал, что девушка смутилась. Это придало ему уверенности.

– Так, Анна. Я уже говорил, чтоб вы пришли на экзамен завтра. Это остается в силе. Я не могу его миновать по отношению к вам, чтоб не вызвать нареканий. Но обещаю, что вы его сдадите. Тем более, что убедился, что водитель вы просто отличный, всем бы поучиться. Но насчет работы в этой сфере для вас меня мучают сомнения.

– Да что вы, Петр Иванович. Я не подведу. Девушка с горячностью схватила его руку и повернула лицо.

– Но как вы получите права? – Петр Иванович осторожно убрал руку.

– Ну, вы знаете, что справку можно купить. В полицию фото? Я вставлю линзы. Ненавижу их. Глаза слезятся и болят, мешают видеть, но на час-полтора – это не помеха. Вы только помогите с экзаменом. Прошу.

– Ладно, Анна. К тому же есть завязки и с ГИБДД, не переживайте. Но...

Петр Иванович замолчал как школьник у доски.

–Что? Что не так? – тревожно спросила девушка.

– Я не знаю, кто возьмет вас на работу в такси. Я правильно понял, что вы туда хотите?

– Да, – выдохнула Анна. – Но вы об этом не думайте. Я рассматриваю проблемы по мере их поступления. Вот уже доказала инструктору по вождению, что могу. А там и посмотрим дальше.

– Вы смелая и рискованная девушка. Хочу задать вам вопрос...

– Не смущайтесь, Петр Иванович. Я знаю его.

–...?!

– Вы хотите спросить, Как я вижу...

– Да.

– Сложно объяснить, но попытаюсь... Когда-нибудь смотрели в тепловизор? Инфракрасное излучение что-нибудь говорит вам? Только это все сложнее. Я вижу мозгом на триста шестьдесят градусов вокруг. И мне не надо вертеть головой как зрячим. Я вижу панорамно вокруг. Что впереди, что сзади, сбоку – и это одновременно. Я не отличу мытую морковь от грязной, но отличу морковь от картофеля. Я вижу цвет ауры, души человека. Я вижу связи его волнений с окружающим. Вижу взаимосвязи с предметами. И чем сильнее эмоции, тем яснее картина. Вот вижу, как сейчас учащенно бьется ваше сердце, и тонкие, пока тонкие, нити цветовой гаммы симпатии тянутся ко мне. И я понимаю, что вы хороший человек, и не предадите меня. У вас есть сомнения в происходящем, но они временны. Я могу прочесть текст в вашем бумажнике в кармане, если он вам важен. Я улавливаю цвета эмоций. Я вижу черные щупальца черных помыслов. И это все для меня реально, как для вас реально зрение нормального человека. А что есть норма? Никто не знает. Считаю, что я в лучшем положении, чем вы. Вы видите внешне, а я внутренне. И кто инвалид, спрашивается? Вы удивились, как я оценила ситуацию с детьми? И куда ехать? Я увидела цвета и нити страха, которые группировались на мальчишке с застрявшей в цепях штанине. И в то же время увидела маршрут действий. Он был безупречен. Я знала, что надо делать. И я видела цвет вашего страха, фиолетово-черный, он мешал мне как туман, но ситуация была, честно скажу, не самая критичная.

В это время хлынул дождь. За разговором они не заметили его признаков. Последний осенний ливень вывалил вдруг целый ушат холодной воды на сидевших в парке на лавочке.

–Ой, – пискнула вдруг неожиданно тонким голосом Анна.

–Аня, детка, да что ж это такое? Чего мокнешь и кавалера держишь под дождем?! – раздался мелодичный голос рядом.

–Тетя Вера, да мы и не заметили сразу, – оправдывалась девушка.

Перед лавкой с зонтом стояла маленькая аккуратная женщина лет пятидесяти.

–Это моя соседка, тетя Вера, – представила Анна. – А по большей части мне как мама.

– Петр Иванович, – кивнул мужчина, почувствовав как забилося сердце. Эта женщина ему показалась эльфом из сказки. Или вечерняя темнота и рассказ загадочной Анны играет с воображением?

–Да вы же промокли оба. Ну-ка быстро в дом, – скомандовал «эльф» и никто не осмелился возражать.

Тетя Вера жила этажом ниже Анны. И вскоре они пили горячий чай с малиновым вареньем и слушали воспоминания Веры о детстве Анны. Петр Иванович еще никогда не был так спокоен и умиротворен в обществе двух женщин. Домой он ушел в твердой решимости если

не удочерить взрослую Анну, то помогать ей во всем. Так и зародилась эта странная дружба немолодого инструктора по вождению и незрячей, но не слепой девушки.

3

Конечно же, когда Петр Иванович на второй день опять принимал экзамен у миткалевой блондинки, то это породило массу слухов. К тому же, Иваныч, как его многие называли, просто сел с ней в машину и тут же вышел, поставив плюс в протоколе. Но, зная его неподкупный характер, все терялись в догадках.

– Не понимаю, – недоуменно ворчал Женька, – что такое могло произойти, если Иваныч так себя ведет. Повторный экзамен, да второй день. Не иначе – она дочка-внучка президента...

Но Иванычу было плевать. Его никто не упрекнет, что он на что-то закрыл глаза. Все было безупречно. А что глаза не такие у экзаменуемой – так это дело медкомиссии...

Но когда кто-то прознал, что Иваныч отдал в пользование свою почти новую «Ладуну-Калину» этой странной блондинке в темных очках, то вообще решили, что это его внебрачная дочь.

– А что? – Женька жестикулировал больше обычного. – Не человек он что ли, али не мужик?

– И что, дочку сразу не признал? – спрашивали насмешники.

– Видать, ходок еще то, наш Иваныч, а с виду – тряпка и неудачник.

– Ну и зависти же у вас, братцы, – обижался Женька как за родного отца. – А может, он не знал до недавнего времени, что дочь есть, да еще такая взрослая. Не всегда же Иваныч лысым был и с брюшком. Помните, какой он странный был после того экзамена с ней? Она что-то ему сказала, мы же не слышали разговор, и бумажечку с телефоном сунула. А помните, как Иваныч потом сразу махнул с работы, ничего не объяснив? Вооот... – Женька указующе поднял палец вверх. – Он был в этом, как его... шоке от новости.

– Ага. Где Иваныч, и где эта красотка, что такую модель родила ему? – хихикали сослуживцы.

– А как объясните, что на другой день Иваныч экзамен ей поставил, даже не прокатившись снова? – горячился Женька, он искренне считал Иваныча другом.

– Да уж, – пожимали в недоумении коллеги, зная, что Иваныч за просто так и королеве Елизавете экзамен не поставил бы, а тем более за взятку. Тот был человеком принципов.

А машину свою он предложил Анне сам.

– А что, Аннушка,...

Он теперь так ее называл по-отечески, да и гостем был не раз в ее уютной квартирке в соседнем дворе. Особенно полюбились вечера, когда Вера заходила по-соседски помочь Анне по дому. Одинокая соседка ничего не знала про способности девушки и искренне ее считала слепой и беспомощной.

Да Анна и была такой в некоторых вопросах быта. Она не могла отличить мытые овощи от чистых, разделать мясо или курицу – все это виделось ей одинаково мертвым. Поэтому в плане приготовления еды она была ноль. Не могла отличить глаженое белье от мятого – эти отличия тоже были ей неведомы. Да и многое другое, что явно для нормально зрячих людей. Как говорится – и на солнце есть пятна.

Поэтому давнишняя дружба с немолодой соседкой, которая привязалась к ней всей душой, помогала ей в быту. И Анна отвечала Вере взаимностью, и всегда приходила на помощь, если у Веры бывали проблемы со здоровьем. Ибо видела Анна не столько человека снаружи, как всего изнутри, со всеми его болячками – душевными и физическими.

– А что, Аннушка, моя машина стоит практически без дела. Да и работать ты собираешься в вечернее время, а я рано ложусь по-стариковски спать, – сказал как-то Иваныч за вечерним чаем.

– Тоже мне старик, – фыркнула Вера, сидевшая рядом. – Я тоже тогда старуха. Я всего на пару лет моложе тебя, Петр Иваныч.

– Тогда хватит меня называть по имени-отчеству, – буркнул Иваныч.

– Да я чего же, я же с уважения, – отчего-то смутилась вдруг Вера.

И Анна увидела тонкое переплетение ярких малиновых чувств между этими двумя людьми. Она улыбнулась про себя и ответила Иванычу:

– Петр Иванович, вы и так много для меня сделали. А вы не обязаны. Я не могу принять ваше предложение.

– А работать как думаешь? На отцовской гоночной Бугатти, на которой рассекаешь по ночам? А в автопарке такси все машины раздолбанные. И я тебе не дарю машину, а даю пользоваться, ремонт за твой счет будет.

В конце концов Анна согласилась...

Анну взяли на работу. Без оформления. Не видя, и не зная ее. Вот так... раз и взяли. Все равно кто ты, и какая ты. Главное – есть бумажки. Конечно же, не обошлось тут без Иваныча. Она была несказанно рада. Напросилась на вечернее время, когда благочтенные отцы семейства и мужья хотят быть дома, а припозднившиеся трудоголики или гуляки не особо вникают, кто за рулем. Она уже отвезла трех клиентов чинно и благополучно, когда поступил заказ из бара, что оказался за углом стоянки.

– Вот ты сучара, – с этими словами ввалился здоровенный мужик на заднее сиденье.

Анна видела, что это ему не по статусу, хотел бы рядом с водилой, но обстоятельства зашкаливали.

– Гони, – крикнул мужик и буквально лег на задние сиденья.

– Гоню, – отозвалась Анна монотонным голосом робота и спокойно нажала на сцепления. Машина рванула с места и взвыла как маленький ребенок.

Пассажир, еле отдышавшись, робко перевел грузное тело с полулежачего положения в сидячее. Затем заерзал, беспокойно оглядываясь в заднее окно. Он так активно вертел головой каждую минуту, что Анне показалось, что вот-вот свернет себе шею.

– Погони нет, – произнесла она спокойным голосом, будто сообщала между делом, что чайник вскипел. Нервозность пассажира ее раздражала.

– А-а, – отозвался пассажир, немного обмякнув. – Нет? Ну и хорошо.

Потом он осознал окончательно смысл фразы и снова заерзал.

– А чего это ты там про погоню? – настороженно спросил он.

– Про то, что нас никто не преследует, – пояснила девушка как бестолковому первоклашке.

– Правда? – опять как-то бестолково переспросил мужчина и принужденно кашлянул. И продолжил, впрочем, без всякой злобы: – Тебе-то откуда знать, бабе? Едешь себе и едешь, головы не повернешь, как курица.

Мужчина явно пытался скрыть свой страх за грубостью. Это Анна явственно увидела.

– Неправда, – возразила она.

– Что неправда? – пассажира явно обескураживали фразы Анны.

– Неправда, что курицы не поворачивают головы, – пояснила терпеливо она. – Или вы имели в виду, что едешь как курица, что тоже не имеет смысла, так как курицы ездить за рулем автомобиля не могут вообще.

Мужчина минуту пыхтел, соображая – обидеться ему или нет, а потом вдруг раскатисто расхохотался басом.

– Ну, ты и чика!– произнес он сквозь нервный смех. – Первый раз встречаю такую спокойную и с юмором. Да и вообще, первый раз меня везет баба. Откуда ты такая взялась в такси?

Анна промолчала.

– Вроде чика прикольная, да и не уродина, – мужчина попытался разглядеть лицо девушки в зеркало заднего вида, – а подрабатываешь так беспонтово. Или не найти хахалы с бабками? И почему ты в темных очках ночью? Не солнечный денек.

Анна опять промолчала. Ей не нравился разговор, к тому же оценивала обстановку вокруг, отвлекаться не хотелось. Что-то было не так.

– Не, вот ты скажи, – пассажир подался вперед, чуть ли не дыша Анне в ухо, и она почувствовала крепкий запах алкоголя. – Почему – молодая и симпатичная блондинка пошла работать в такси?

– Потому что я не блондинка, я крашенная – ответила Анна, заметив «задним» зрением, что на приличном расстоянии от них одна из машин повторяет все их маневры.

– Знаешь, я вот не сажусь за руль принципиально, – продолжал разглагольствовать мужчина, окончательно расслабившись. – И на такси не езжу. У меня есть крутая тачка. Но я не езжу сам за рулем. Знаешь почему?

Анна молчала. Так и есть. Их преследуют.

– А потому, что не царское это дело – коня под уздцы держать. Для этого есть конюх, ты меня понимаешь, чика? У меня есть личный водитель, – мужчина сообщил это так, будто во всем мире только он имел право на личного водителя.

Точно, вон те два светящихся глаза как приклеились сзади, казалось, что их лучи тянутся к ее машине как щупальца.

– И где он вместе с вашей машиной? – спросила Анна, – все же не теряя нить разговора. Но ей было все равно на ответ. Она спросила только для того, чтоб пассажир отвлекся и не занервничал снова.

– Водила? Да конь его знает. Я сказал, чтоб ждал у бара, вдруг резко понадобится, выскочил, а тут такси, ну... мне надо было срочно... уехать, – мужчина начал шарить по карманам. – Кстати, действительно, где Вован? Ща позвоню. Оппа, а мобильник где?

– Так значит, не вы вызывали такси в бар? – слегка удивилась Анна, хотя что-то такое уже предполагала.

– Я?! Конечно нет. На твоём месте должен был стоять Вован, задери его конь. Да где же этот чертов телефон? Неужели обронил в суматохе? Плохи дела.

– А мои пассажиры где? – спросила скорее всего себя вслух Анна, – и диспетчер молчит, что меня заждались.

– Да тьфу на них, – отозвался пассажир, продолжая в сотый раз ощупывать свои карманы. – Может, в другое такси сели. Там же стоянка ваших. Пьяным-то все равно, лишь бы доехать. Главное, что ты оказалась в нужное время в нужном месте. Не, ну телефона реально нет.

– Так, а куда тогда мы едем? – спросила Анна. – У меня по вызову конечный пункт – улица Коммунаров.

– Етишкин конь, а мне на Слободскую, в коттеджи, это же рядом. Знаешь это место?

– Еще бы, – усмехнулась одними губами Анна.

– Довезешь меня как младенца в люльке, чика, оплачу вдвойне, а может, и в гости пригляшу. Кстати, меня зовут Виталик, но все кличут Ватикан, как папу Римского, – мужчина осклабился, самодовольно прищурился от значимости в своих глазах.

– Франциск.

– Что?!

– Папу Римского зовут Франциск, а не Ватикан, – поправила Анна.

– Ну, смотри ж ты, – Виталик-Ватикан прищипнул языком в восхищении то ли от имени папы Римского, то ли от познаний девушки в этой сфере, а потом неожиданно заявил: – Да конь с ним, хоть папа Карло его имя. Чика, ты была в джакузи с гидромассажем? Я недавно установил в своих апартаментах. Не хочешь попробовать, а?

Анна ничего не ответила опять и вдруг резко свернула вправо прямо со второй полосы в какой-то только ей заметный проходник. Виталька-Ватикан от неожиданности не удержался и завалился с сиденья на пол, несолидно вскинув ноги.

– Да тебя ж конем, – заорал он. Но подняться сразу не мог, так как машину нещадно трясло и подкидывало на неасфальтированной дороге дворов.

– Да останись, чертова кобыла, кишки все вытрясла, ты что, с ума сошла? – взвопил Виталька после очередного броска.

И будто по мановению волшебной палочки машина остановилась, погасив фары, как мертвая.

– Сумасшедшая баба, – скулил Ватикан, пытаясь опять взгромоздиться на сиденье.

– Тихо, замри, – громким шепотом с предостерегающими нотками вдруг произнесла Анна.

Мужчина, сам не зная почему, повиновался. Что-то в ее интонации и поведении было такое, что послушаться он не посмел. Через минуту он робко вытянул шею, пытаясь разглядеть местность, но увидел лишь темные кусты.

– Я сказала – тихо, – прошипела змеей девушка. Виталька втянулся обратно как черепаха в панцирь.

Еще через минуту мимо за темнотой прошуршали колеса, луч фар метнулся по кустам и медленно пополз.

– Вылезайте, – произнесла Анна, завела тихо мотор, не включая огней.

– Ты – маньячка, – зло изрек он, поднимая свое внушительное тело с пола.

– Вряд ли, – возразила Анна. – Два маньяка в одной машине – это маловероятно.

– Всегда не доверял бабам за рулем, а теперь и вовсе, – бубнил мужчина, отряхивая костюм. – Ты довезешь меня домой-то сегодня?

– А охрана дома есть? – спросила Анна.

– Есть, – и вдруг спохватился: – А что это ты выпытываешь?

Анна осторожно, без всякой суеты, и уже мягко выводила машину на большой проспект. Темнота двора ей не была помехой.

Они уже неслись по ровному асфальту, когда Виталька – Ватикан решил снова заговорить.

– А я так и не понял...

Но договорить фразу он не успел. Анна перебила его властным, но спокойным тоном:

– А теперь, папа Римский, схватись крепко за спинку моего кресла и держи свою драгоценную задницу поближе к седлу, тьфу, к сиденью.

Виталька оторопел, но повиновался.

Анна уже заметила щупальца огней – погони, вынырнувшей сбоку машины.

Следующие события мелькнули перед Виталькой как череда размазанных огней, метаний из стороны в сторону, визг колес уворачивающихся машин и нещадные приземления на пятую точку. В конце его аж замутило. И замутило еще больше, когда он осознал, что они несутся на огромной скорости к бульжному подъему на Слободскую улицу. Такого еще никто себе не позволял на крутом спуске с односторонним движением...

– Аааааа, – только и мог тли прокричать, тли выдохнуть Виталька – так перехватило у него дух, когда машина на полной скорости, встав чуть ли не перпендикулярно земле на задние колеса, натужно рявкнула, а потом рухнула вниз, и, яростно вгрызаясь шинами в камни, в считанные секунды взмыла вверх горы.

На самом верху машина вдруг остановилась, будто выдохлась, и замерла.

Виталька посмотрел из окна и увидел, как внизу остановился черный «Опель», которому такой трюк был не по силам, и у того опустилось тонированное стекло. И судя по его лицу, он узнал тех, кто там сидел. Он вдруг побледнел, но поняв, что в недосыгаемости для врага, вдруг опомнился, ухмыльнулся и удивленно посмотрел на Анну. Та сидела ровно и спокойно.

– Улица Слободская... – сказала она так спокойно и четко, будто объявляла остановку в метро. – Какой дом?

– С..седьмой, – почему-то стал заикаться Ватикан...

– С вас шестьсот рублей, – заявила Анна, останавливаясь у нужного дома. – И плюс обещанное удвоение.

Виталька-Ватикан вышел на ватных ногах, достал пятитысячную купюру и протянул Анне.

– Сдачи не надо, чика. Ээээ...

После секундного замешательства Анна взяла протянутые деньги и уже хотела закрыть дверь, как Виталька ее придержал.

– Ты это... Спасибо... так погоня все-таки была? – хмель полностью исчез с лица мужчины.

– Была.

– А ты чего?... Зачем?...

– Что?

– Почему мне помогла? – казалось он пытается понять непостижимое.

– Мы довозим людей до указанного адреса целыми и невредимыми. – Ответила Анна и наигранно весело улыбнулась, не поворачивая к мужчине головы. – Спокойной ночи, вас уже ждут.

Виталька оглянулся. За спиной уже маячили охранники. Когда он повернулся назад, машина Анны уже набирала скорость.

4

– Ыиииии, иии, хных....

Анна прислушалась. Не всегда она могла полагаться на свое уникальное зрение. Частенько мелкие детали ускользали, особенно если она была погружена в свои мысли. Тогда она полагалась на слух, обостренный донельзя, как у многих слепых. А то, что источник звука был мал, она поняла уже от того, что доносился он откуда-то из-под ног.

Анна закончила работу чуть ли не под утро и ужасно устала, она вспомнила, что дома закончились кофе и молоко – ее любимое сочетание в напитке, который потребляла в больших количествах даже перед сном. И вопреки всем утверждениям о кофеине спала прекрасно. И сейчас спешила в круглосуточный супермаркет возле дома. Она не стала подъезжать ко входу, потом пришлось бы выруливать долго от стоянки, а оставила машину на обочине со включенными аварийными огнями и стала пересекать детскую площадку перед магазином, когда услышала странный звук. Она остановилась.

–И, ииии, ик, хных, – снова донеслось до ее ушей.

Анна остановилась, пытаясь определить источник звука. Темнота ей не была помехой, ибо видела она не так как все. Но что-то ей мешало «увидеть» его.

Анна сделала еще несколько шагов и явственно почувствовала чье-то отчаяние и неудержимую тоску.

Лавочка на детской площадке. Рядом, за невысокими ровно подстриженными кустами, но из-за них никого не было видно. Но Анна уже осторожно приблизилась к ним.

– Кто тут плачет? – спросила она негромко, чтоб не вспугнуть незнакомца.

И ей вполне миролюбиво и смело ответили дрожащим голосом:

– Я... хнык.

– Ты потерялась? – спросила участливо Анна, определив, что перед ней на скамейке сжался в комок совсем маленький человечек.

– Нет... хлюп, – голос прозвучал не по-детски хрипло.

– Почему ты так поздно одна тут? Где твои родители? – Анна осторожно присела рядом.

– У меня их нет, – голос задрожал еще сильнее.

– Понятно, – ответила Анна, хотя ей ничего не было понятно. Но спрашивать и влезать в душу не хотела.

– Как тебя зовут? – спросила Анна.

– Тася... Хнык. Нет, по-взрослому Таисия, но все зовут Тася.

– Ты одна ночью тут, не страшно?

– Страшно, вот и реву. Только. Ииииии, хнык...

Анна подождала, когда человечек немного успокоится. Скорее всего ребенок потерялся. Надо дать проплакаться.

– Только дома у тетки еще страшнее... иии.

Немного прояснилась. Ребенок – сирота, живет со злой тетей.

– Я убежала от нее, я не вернусь к ней больше, я буду жить туууууут, – вдруг еще больше расплакался ребенок и вдруг уткнулся к Анне в рукав. Рыдания сотрясали все тело, а плечи вздрагивали так сильно, что на миг Анне показалось, что это не детские плечики, а трепещущие крылья. Она осторожно приобняла девочку. Что-то странное и необычное чувствовалось в ней.

– Всякое бывает, – сделала попытку Анна к устранению конфликта внутри ребенка. – Уверена, тебя ищут по всем улицам. Давно ты тут сидишь?

– Почти с утра, – ответила девочка. – Ну и пусть ищут. Хотя, даже в этом я не уверена. Тетка занята весь день. На меня плевать. Я нужна только когда... когда нужна. А сегодня я нужна была только вечером, но я сбежала. Она, наверняка, злится до посинения. Я и раньше сбегала. Но не так, не навсегда.

– Ничего не поняла, – призналась Анна. – Я понимаю только одно. Ночь на дворе, тебе некуда идти, домой ты не хочешь. Что ж, мой диван в твоём распоряжении, а завтра решим, что с тобой делать. Надеюсь, ты меня не боишься? Кстати, меня зовут Анна...

Девочка вскочила с лавочки, ростом она едва достигала Анне до пояса, и как-то не по-детски горячо сжала руки Анны своими. Только сейчас Анна поняла, что и одета девочка странно. Хоть и не могла разглядеть детали, но для ребенка какая-то хламида длиной до земли – довольно-таки странный наряд.

– Анечка, спасибо огромное, я отработаю, если захочешь. Ты знаешь, какая я умелая. Я по дому все могу, – лихорадочно затараторил ребенок. – Я и готовить умею, и стирать, и шить, и убирать. Хочешь, я и окна помою у тебя дома.

– Ну, я тоже кое-что умею, – улыбнулась Анна, – и я не работницу нанимаю. А для мытья окон на 8 этаже ты явно маловата.

– Да ты что?! Я умею. Да для этого сейчас куча приспособлений есть. Вот увидишь. Прямо завтра с утра и помою.

– Ладно, не об этом сейчас думать, – прервала Анна обещания. Не хватало еще, чтоб ребенок на высоте окна мыл... – Утро вечера мудренее. Зайдем в магазин и ко мне пойдём, тут недалеко. Ты ведь наверно и голодная, раз с утра тут сидишь.

– Я не знаю, – ответила Тася. – Я привыкла, я кушаю раз в день, если тетка не забудет что-то дать. А так... Желудок урчит, но есть не хочется.

Анна решительно встала, разозлившись вдруг на незнакомую тетку. Ребенка кормить раз в сутки?! Это вопиюще. Не зря ребенок сбегает. Да наверняка еще и лупит девчонку. Анна от негодования даже не заметила, что последнюю фразу сказала вслух.

– Да, лупит, еще как. Чем под руку попадет. Вот эти синяки видишь? Это ее подарки. Синяков Анна увидеть не могла, просто поверила и кивнула головой.

– Ты даже не взглянула, – погрустнела Тася, – думаешь, что я вру.

– Нет, что ты, – Анна повернула голову в сторону девочки, – я верю. Я знавала таких теток. Пойдем. Поздно уже.

В супермаркете помимо кофе и молока Анна набрала еще йогуртов, конфет и всякого прочего, что, по ее мнению, любят маленькие девочки. Ароматный рассольник и котлеты были в холодильнике, благодаря стараниям Веры, но ведь ребенка надо и вкусеньким угостить. Однако реакция Таси была опять загадочной.

– Ты сладкоежка? – спросила она Анну, видя, как та закидывает в корзину сладости.

– Нет, – на миг Анна остановилась. – Хочу тебя угостить. Ты же любишь конфеты?

– Не очень. Я сладкое вообще мало ем, – призналась Тася. – Я больше люблю воблу.

– Воблу? – удивилась Анна.

– Да, я в детстве вообще думала, что вобла – это что-то с облаков. Ну, вобла – в обла, в облаках что-то. Что летчик ее оттуда добывают. Смешно, правда?

Тася рассмеялась на свою глупость почти беззвучно. Анна тоже улыбнулась. В детстве? Как сказано! Будто ребенок уже жизнь прожил.

– Странная ты, – заметила Анна.

– Ну, ты тоже, – ответила Тася и хихикнула уже в голос.

Анна вздохнула и ничего не ответила, она понимала, что девочка права.

Они продолжили знакомство уже сидя на кухне в квартире Анны.

– А у тебя большая квартира, – констатировала Тася. – Сколько комнат?

– Три, вернее четыре, но одна из них – это бывший кабинет мамы.

– Здорово! Кабинет! А почему кабинет дома? Она начальником была? Прямо тут?

– Нет, – рассмеялась Анна. – Но давай не будем об этом. Ты слишком много задаешь вопросов. Расскажи лучше о себе. Как к тетке попала ты, она кто, сестра мамы или папы?

– Да никто... – вдруг зло сказала Тася. – Просто знакомая родителей была, они умерли давно, она меня и приютила. Да потом работать на себя заставила. Она всяким колдовством там головы всем морочит, бабло зарабатывает, а меня подыгрывать заставляет.

– Это как? – удивилась Анна.

– Да так, то в ящик стола меня засунет и оттуда по условному слову заставляет завывать, то привидение изображать, да много всяких трюков. А если я сыграю неправдоподобно, и ей не поверят, то без ужина оставляет или побьет, – Тася снова погрустнела и шмыгнула носом. – И вообще, никуда не выпускает из дома.

– Так что ж, никого родных нет у тебя, чтоб заступиться?

– Есть. Да не знаю где. К тому же тетка меня из дома не выпускает. Мне повезло сегодня. Забыла она дверь запереть за клиенткой, я и шмыгнула на улицу.

– Как не выпускает? – опешила Анна. – Ты в четырех стенах живешь? На улицу нос не кажешь.

– Она не хочет, чтоб меня видели, иначе бизнес ее рухнет, догадаются о шарлатанстве люди.

– Ничего себе. А как же школа? Ты ведь учиться должна. Сколько тебе лет? Лет восемь или девять? Хотя маловата ростом для такого возраста, а для детсада ты по разговору явно великовата.

Тася странно молчала.

– Я что-то не так сказала? – спросила Анна, когда поняла, что пауза затянулась.

– Аня, ты ей-богу странная, – ответила, наконец, Тася.

Анна вздрогнула.

– Почему?

– Ты не видишь, сколько мне лет? Ладно, понимаю, что маленькая собачка до старости щенок, но чтоб мне восемь лет дали... хотя со спины...и то.... Мне уже двадцать три.

Анна резко встала, так, что чуть не опрокинула кофе со стола. Ее слегка лихорадило. Она протянула было руку к Тасе, но замерла на пол дороги. Вот что казалось в девочке странным. Аура. Аура взрослого человека и эмоций – настоящих, выстраданных не по-детски. Как же сразу она не разглядела. И эти жесты, фразы...

– Ань, я карлик. Куда мне соваться в жизнь больших людей. Кому я нужна? Где весь мир для больших. Где на меня смотрят как на уродку. Вот 13 лет назад мамина подруга и забрала меня к себе, когда родители, тоже карлы, погибли – они работали в цирке, ездили на гастроли, а я с теткой, она из больших. Их фургон перевернулся и их не стало. Мама сразу умерла, а папа с неделю в коме был. Я так и осталась с теткой Мартой. На самом деле она Маша, но всем представлялась как Марта. Опытная гадалка, повелитель потусторонних духов и прочей дряни. Раньше она была вполне сносной теткой, а потом... крыша что ли съехала от магии – не знаю. Озлобилась, стала придираться ко мне, называть обузой. Ох, не хочу о ней.... Я то, думаю, почему ты не такая как все, почему ты не относишься ко мне с презрением или жалостью? А ты просто не поняла, приняла меня за ребенка? С тобой-то что не так?

Анна молча сняла очки....

– Ох, еж твою мать, – по-взрослому выругалась «девочка» и села прямо на пол.

Они с минуту молчали, потом Тася неожиданно рассмеялась. Не зло, в голос, и заразительно.

– Прости, Аня, – сквозь смех произнесла она. – Я не над тобой смеюсь, а над НАМИ, над жизнью.

Анна и так все поняла. Поняла иронию ситуации. Встретились два несчастья.

– Да, смеюсь над жизнью, над судьбой. Всю жизнь жалела себя и ругала всевышнего, что родилась такой. Боже ж ты мой, прости эти мысли грешные, – смех Таси стал перерастать в истерику. – Думала, что нет меня несчастнее никого. А ты вот гляди ж... Да как ты живешь незрячая-то? Да еще машину водишь....Стоп....

Истерика Таси резко прекратилась, не успев разрастись в глобальный масштаб.

– Ты... Водишь машину? Но как такое возможно? И со стороны не скажешь, что ты незрячая, если не обращать внимания на некоторые странности поведения. Аня?!..

По щекам Анны катились тихие слезы. Она обрисовала вкратце свою ситуацию.

– Аня, Анечка, прости меня дурру, – Тася резко поднялась с пола, поднялась во весь рост и даже приподнялась на цыпочки, обвив маленькими ручками шею девушки, сидящей на стуле. И заплакала навзрыд.

Анна, неожиданно для себя, обняла Тасю в ответ и уткнулась носом в густые волосы. Ей тоже захотелось рыдать – по-волчьи закинуть голову и завывать от всей невысказанной тоски и душевной боли, от одиночества и беспомощности. И она уже приготовилась это сделать, как вдруг маленькая девушка перестала плакать, отстранилась от нее и произнесла:

– Поньли и хватит, правда Ань? Теперь мы точно познакомились поближе. Уже рассвело, а ты и не прилегла даже, да и я устала.

– Тася, прости и ты меня, – устало произнесла Анна.

– За что? Что приняла меня за ребенка? А если и так? Это хорошо же. А может прошла бы мимо взрослой. А так, я хоть высплюсь в спокойствии. А потом буду решать, что делать дальше и куда идти.

– Тася, не уходи никуда. Живи здесь, нам места хватит, – произнесла Анна и поняла, что именно этого она хочет сейчас больше всего на свете. Она устала быть одна. Приходить в пустую квартиру, где не с кем бросить слово. Да, конечно, были в ее жизни добрая Вера и сердечный Петр Иванович. Но, едва они уходили, как она физически ощущала холод пустоты оди-

нокого дома. Становилось неуютно и тоскливо. Особенно по ночам. Тогда одолевали совсем не радостные мысли о жизни, о тлене, о своей ничтожности и бесполезности....

– Ты, действительно этого хочешь? – тихо спросила Тася.

– Да. – На едином выдохе.

Тася секунду молчала, а потом весело произнесла:

– Тогда завтра я мою окна. И еще... ты когда-нибудь возьмешь меня в магазин с собой опять.

– Да хоть завтра же, нет уже сегодня, – улыбнулась Анна.

– И ты не будешь меня стесняться? Ну, что рядом с тобой карлица?

– НИ-КОГ-ДА.

5

Анна пришла с работы опять под утро – усталая и немного злая. Тася не спала. Маленькая девушка бросилась на звук открываемой двери и с высоты своего роста попыталась помочь снять плащ с Анны. На что Анна мельком заметила:

– Надо вешалок набить для тебя.

– Да, мало проку от меня в твоей квартире. Но позволь хоть сапоги помочь снять.

– Вот еще, – фыркнула Анна, но, рухнув в кресло, вытянула ноги.

– Что? Все плохо? – поинтересовалась Тася, относя сапоги на полку.

– Да как сказать...

– Так и скажи.... Пойду, чайник поставлю. Приходи на кухню....

– Знаешь, Тась, сколько людей отказываются, как видят меня за рулем... Я теряю заработок. – призналась Анна, отхлебывая горячий кофе с порцией молока. Тася уже выучила вкус подруги. – Многие не ходят видеть бабу за рулем.

– Неее, не в бабе дело, – ответила Тася, доставая поздний ужин из микроволновки. – дело в тебе.

– Что? Почему же?

– Ты выглядишь стереотипно. Блондинка за рулем. Страшно наивно.

– О как. Для затворницы ты мыслишь не наивно.

– Я много читаю. У тетки, знаешь, какая библиотека, в три тысячи томов. Она ужас как гордится ею, хотя ни одной книги не читала в жизни. Они ей для имиджа только. А я? Я таскала их и читала. Ох, какая жизнь там... Так вот. Образ блондинки за рулем у всех ассоциируется с недалеким мышлением и необученностью....

– Продолжай. Я что-то упускаю в жизни. Как осталась одна год назад, то некому и подсказать.

– Думаю, что надо тебе сменить имидж, – прихлебывая чай, Тася пила только чай, изрекла девушка. – Вот скажи, почему красишься в блондинку?

– Не знаю, – пожалала плечами она. – Мне так комфортно. Как-то попала к стилисту опытному, он и посоветовал.

– Тебе идет очень. Просто огонь, а не девушка. Но... для повседневности слишком вычурно смотришься, хоть и эффектно.

– Тася, признаюсь. Это не просто каприз. Мне все равно как я выгляжу. Белый цвет не впитывает стороннего, мне комфортно в нем. Он отражает все как чистый лист бумаги, ничего не липнет.

– Пусть так, – согласилась Тася, – на здоровье. Но... для работы нужно что-то другое, если хочешь работать без проблем.

–И?

– Купи парик брюнетки, шатенки, кого хошь, шапочку, косынку надень... будь неприметнее и прозаичнее. И одежду попроще... свитерок сэконд-хэнда порастянутее, джинсы дырявые... будь проще и народ к тебе потянется.

Через день Анну было не узнать. Каре шатенки, бейсболка, очки не в пол лица черные, а дымчатые без оправы, малопривлекательные и универсальные для любого лица. Старый пуловер с растянутым воротом и узкие джинсы стрейч с кроссовками дополняли картинку.

– Класс, – изрекла Тася, отправляя подругу на работу.

И, то ли Тася была права, то ли вечер удался, но пассажиры уже настороженно не смотрели на водителя, и подвыпившие не орали, что не хотят бабы за рулем. Анна улыбалась своим мыслям, когда на одном из перекрестков, остановившись на красный сигнал светофора, вдруг распахнулась дверь водителя и молодой лейтенант полиции потребовал:

– Конфискую машину для особо важного задания. Выходите, – он дышал прерывисто и натужно, видно было волнение.

– Всенепременно подчинюсь, если покажите постановление, что именно моя машина и в этот момент вам нужна, – спокойно возразила Анна.

– Выходи, – заорал нервно лейтенант.

– Нет, лучше вы садитесь в машину. И я с радостью вам помогу, – ответила Анна и добавила: – если найду столько радости.

Лейтенант занервничал, посекудно вытягивая шею вперед.

– Эх, – крикнул он, обежал машину и плюхнулся на пассажирское кресло рядом. – Погнали.

– Куда?

– Вперед, – на лбу выступила испарина, он снял фуражку и оттер пот. – Вон за той машиной гони.

Анна молча повиновалась и дала по газам. «Та машина» была через три машины впереди.

Лейтенант уперся двумя руками в панель, будто это могло добавить скорости машине и, сидя на самом краю сиденья, нервно вглядывался в череду мелькавших огней.

– Давай, давай. Эх, не повезло мне... Машина сломалась, а тут и девка за рулем. Упущу, ей богу упущу... Быстрее.

– Кого догоняем? – равнодушно спросила Анна, лишь бы тот перестал ерзать.

– О, если догоним, то...

– Что?

– А фиг знает чего...

Похоже, что молодой лейтенант сам не знал своих дальнейших действий, но цель была перед ним.

– Давай, давай, давай, – полицейский достал телефон, быстро набрал номер: – Толик, я сломался, еду за подозреваемым на пойманной машине, номер такой-то... Да не его номер, знаю, что знаешь... а я еду следом. Не перепутай. Что?.. Да, по проспекту... Что сделать?... А, понял... Жду.

Лейтенант убрал телефон.

– Можешь обогнать машину? Вроде не заметили нас.

– Могу. А дальше?

– Да что ты все задаешь вопросы как начальство? Обгоняй, говорю.

Анна молча рванула вперед так, что лейтенанта впечатало в кресло, а фуражка съехала на глаза.

– Полегче можно? – спросил он, принимая солидное вертикальное положение. – Не упusti его. Это особо опасный преступник... Черт, ничего не видно.

Преследуемая машина свернула на мало освещенную улицу, Анна последовала за ней.

– Толик, он свернул на Армейскую, – завопил в телефон лейтенант. – Ты где? Я догоню, а дальше-то что? Спрошу закурить? Он стрелять будет, а у меня девка за рулем... стоп... он пропал... не вижу его... Толик...

– Я вижу, – произнесла Анна. – Он за домом, там пустырь. Нас заметил. Поэтому и съехал с проспекта. Он остановился, выжидает.

– Ох, еж его. Не выключай машину и стой, жди меня. Не вылезай. Если что, то вот... – лейтенант бросил Анне свой мобильный. – Там номер Толика, позвонишь ему, если долго меня не будет.

С этими словами лейтенант выскочил наружу, вытаскивая пистолет из кобуры.

Анна секунду мешкала. Нет, одному не справиться.

– Какого черта я лезу? – спросила сама себя вслух Анна и осторожно вышла из машины.

Стояла ночная тишина, вполне мирная, чтоб заподозрить разворачивающиеся страсти. Девушка почти беззвучно обошла угол дома и увидела то, что остальным было неизвестно.

Двор заканчивался тупиком новостройки, и попавшая сюда машина могла выехать только тем путем, каким попала. В ней, притаившись за рулем, сидел человек. Черный цвет машины и потушенные фары делали ее почти невидимой в ночи, но не для Анны. Яркие эмоции тревоги и злости высвечивали силуэт как солнце на закате. Недалеко медленно продвигалась полусогнутая фигура лейтенанта с пистолетом в руке. Он был на изготовке... И таким же цветом светился пистолет в руке человека в машине... Тот явно прислушивался в тишине... Где-то недалеко притормозила еще машина, но это слышала только Анна.

Несколько мгновений она оценивала ситуацию, потом решила...

Бодро печатая шаг, она вышла из-за угла дома и неровной походкой пошла в направлении притаившейся машины, будто вовсе ее не замечая.

– А напиилааа я пъя-ааной, а не дооойти мне до дооома, а довела меня тропка дальняя, ик... до вишневого саааадаааа.

Два силуэта повернулись в ее сторону, отвлекаясь друг от друга.

– Тааам кукуууушка кукуууует...

До машины пять метров...

– Мое сееердце волнуует...

Три метра.

– Тыыы скажииии-ка мне, расскажи-ка мне, – орала Анна во все горло, качаясь походкой пьяной бомжихи. – Где мой милый ночууееттээээт.

Уперлась в машину.

– Ох, тут и ночуееттээт... Ух, Коля, ты тута?.. ик...знаю, бросил меня, а сам тутааа. С кем, а?

Пистолет в ночи смотрел ей прямо в лоб, затем медленно опустился. Лейтенант стоял почти за спиной в паре метров от нее, это Анна тоже видела.

– Коля, милый, ну не ххоррошо так с женщиной поступать... Ну, увела бутылку, с тебя же не убудет, а? – Анна талантливо изображала пьяную мадам. – Но мы же не будем сори... ссориться...

Анна чувствовала напряжение человека в машине, она осторожно нажала на ручку двери... И мягким тихим голосом заговорила:

– А мышка по полю с тележкой идееет, колесико скрип-скрип... Коооля...

Лейтенант остановился в метре от нее за спиной...

– А мышка поет при луне...

Кто-то третий появился на пустыре и тоже вооружен...

– А мышка поет при луне... – мелодично пела Анна.

И тут же, набрав в легкие побольше воздуха, во всю мощь заорала, одновременно рванув дверь машины на себя:

– А еду я домооой, накрала я зернааааа...

От неожиданности человек в машине дернулся, роняя пистолет, и потянувшись за резко открывшейся дверью, вывалился наружу прямо к ногам Анны. Попытался встать, но был тут же уложен профессиональным приемом полицейского. Рядом раздались быстрые шаги еще одного помощника.

Анна победоносно отошла в сторону...

– А че ты полезла, дурочка?

После задержания опасного преступника Анна везла лейтенанта домой. Толик и его команда увезли пойманного, а Дима, так звали лейтенанта полиции, прыгнувшего к Анне в машину на перекрестке, попросил Анну подбросить его до сломанной машины.

– Да долго бы вы возились с ним, – спокойно пояснила Анна.

– Да тебе просто повезло.

Анна промолчала.

– Хотя, надо отдать должное тебе, все было оригинально и просто.

– Ага, – не выдержала Анна. – Ты хотел сказать, все гениально просто.

Дима улыбнулся. Он был ей симпатичен.

– Однако, и скромность – не твое имя. Но мне влетит по-любому.

– Почему?

– Привлек гражданскую к операции. А я виноват? Машина сломалась в самый ненужный момент.

– А ты сильно не распространяйся, – посоветовала Анна. – Я уж тем более промолчу. Толик, похоже, с тобой согласится.

– Анна, ты не думала о работе в полиции? Признаю, у тебя есть для этого хладнокровие и талант. Да и машину классно водишь.

– Нет уж. Как-нибудь без меня. – улыбнулась Анна.

– Оппа, – вдруг насторожился Дима, взглядываясь в машину, рядом остановившуюся на светофоре.

– Что опять? – нахмурилась Анна.

– Таак, это же еще один голубчик из наших статей. Ань, ну-ка за ним.

Анна «оглянулась», как всегда не поворачивая головы. В соседней машине сидел Виталик-Ватикан...

– Что еще? – недовольно спросила она.

– Черт, нет управы на него, но давай проследим за ним, – предложил Дима.

– Не слишком ли за один вечер? – только и спросила Анна.

– Да вдруг выведет на что, – разгорячился лейтенант.

– Только не забывай, что я – не твой подчиненный.

– Понял. Только я ПРОШУ...

Анна в ответ взревела колесами по асфальту, будто готовясь к началу гонки по ночному шоссе.

Виталька-Ватикан медленно повернул голову и.. узнал. Сначала машину, потом и измененный новым имиджем профиль. Он хотел махнуть рукой, но что-то его остановило. Он прищелкнул в пассажира рядом с Анной и приказал водителю:

– Гони, конь тебя...

Он нутром почувствовал, что от этой погони ему не уйти...

А Анна просто развлекалась, смеясь внутри себя. Жизнь ставит ловушки для нее. А что поймать хочет в итоге? Ей симпатичны – и Виталик, и Дима. Две противоположности, две драмы жизни, две крайности...

Она неслась на своем автомобиле, наслаждаясь скоростью, не более. Чувствуя себя хозяйкой положения. Она играла с обоими мужчинами как кошка с мышью. Она подыгрывала одному, что догонит, и знала в то же время, что не даст догнать...

– Ты класс, ты молодец, – подбадривал ее в азарте погони Дима. – Не думал, что девка так водить может. Давай, дадим этому сучаре жару. Не знаю зачем, но мне он нужен...

– То есть, это сейчас не актуально, – произнесла Анна и резко остановила машину. Та раздраженно взвизгнула, будто возмущаясь, и заглохла.

– Что случилось? – лейтенант взволнованно сдвинул фуражку на затылок.

– Сломалась, – коротко ответила Анна.

– Кто?

– Ну не я же, – чуть ли не заорала Анна. – Я помогла как могла полиции, теперь имею право отдохнуть. Машина сломалась. Выходите и ищите свою, решайте свои проблемы. С меня хватит.

Дима сидел обескураженный, с минуту молчал, потом произнес:

– Анна, как вас там по батюшке, вы оказали неоценимую помощь полиции, выражаю за это благодарность. Я не имел право требовать большее. Спасибо вам.

Лейтенант распахнул дверь, опять замешкался и вдруг спросил:

– Будьте добры ваш номер телефона. – И, опережая протест Анны, добавил. – Вы понадобятся для свидетельских показаний.

6

Вечер выдался сырым и холодным. Мелкий дождь, то прекращался, то начинался снова, кидаясь сорванными ветром листьями в окна машины. Было темно, и даже уличные фонари не добавляли света сквозь мелкую морось.

Анна сидела в машине, ожидая заказа или случайного пассажира. В такую погоду второй вариант был более вероятен. Она зябко ежилась, но печку не включала – просто не любила это изобретение. Близкие потоки воздуха искажали ее мир, который видела только она.

В такую погоду хорошо сидеть дома, слушать музыку, закутавшись в теплое одеялко, и грустить о вечном. Но там Тася. Нет, девушка не тяготила ее, она была счастлива, что есть теперь в ее жизни Тася с ее неисчерпаемой энергией и тягой ко всему новому. Но, иногда, все же не хватало одиночества, слишком долго она жила одна. И теперь редко выдавалось время для грусти.

Анна вздохнула своим мыслям и достала глянцевого модный журнал из бардачка. Нет, она не увлекалась таким чтивом, кто-то из пассажиров забыл его на сиденье. И вот теперь Анна достала его, чтобы как-то отвлечься и дать мыслям другой ход. Она умела читать как все, но не любила этого. Буквы выглядели для нее резким контрастом черного частотола на светящемся фоне белой бумаги, и девушка очень быстро уставала от такого занятия. Она любила читать иначе... Просто положить руку на страницу и впитывать информацию буквально кожей. Подчас с этим приходил и скрытый смысл текста и даже эмоции автора. С таким чтением Анна понимала больше, чем глядя на напечатанный текст.

Вот и сейчас. В статье говорилось об очередном скандальном разводе супер-пупер звезды, сколько стоит бракоразводный процесс и как делят имущество озлобленные супруги. А Анна улавливала общие эмоции. Шоу, грандиозное шоу для привлечения внимания к затихающей славе и злорадное упоение пишушего чужими неудачами.

«Как можно торговать личной жизнью? – размышляла Анна над статьей. – Неужели тяга к популярности так важна для некоторых? Деньги, слава, пусть и с душком. А как можно любить,

жениться, а потом ненавидеть до уничтожения? Может это мое счастье, что я не смогу этого узнать? Смогу ли я полюбить и впустить кого-то в глубоко личное?»

Анна опять вздохнула. Слишком хорошо она «видела», чтобы не знать, какие чувства она вызывает у людей. Мужчины с ней пытались знакомиться, заигрывали, намекали, приглашали. Но симпатия к эффектной девушке часто смешивалась с чем-то непонятно ей изменным и не глубоким, с чем-то насмешливым и уродливым. Ее отказы всегда вызывали презрение и обиды. Ее поведение пугало странностью и непонятливостью. Буд-то вот она тут, но как манекен за стеклом витрины, недосыгаемая. И обиженному достоинству остается только плюнуть в стекло и сказать: «Не больно-то и хотелось. Внутри она наверняка пустая и холодная». А у те, кто узнавал ее чуть поближе, кроме страха и жалости, не выражал ничего.

Исключение составил Петр Иванович. Поэтому и сблизилась Анна с ним, доверилась. Кроме удивления и непонимания он не выразил ничего с самого начала. А потом она прочла в нем безграничную отеческую любовь и желание опекать ее как родную дочь. Да еще Вера, соседка. Но та не знает всего, да и не стоит ее пугать. А теперь Тася вошла в ее жизнь. Но Тася сама жила без друзей и общения, чтобы судить о чем-то, и слишком натерпелась плохого, чтобы бояться чего-то.

Что-то стукнуло в окно, Анна вздрогнула, отрываясь от своих мыслей. На улице стоял молодой мужчина в насквозь промокшем костюме. Девушка чуть опустила стекло.

– Командир, я вижу, что ты вроде как такси. По вызову приехал или свободен?

– Садитесь, – кивнула головой Анна.

– Ох, простите, мадам. Не разглядел, что девушка за рулем. У вас темно в салоне. Вы точно такси? – спросил мужчина, усаживаясь рядом. – Холод собачий, мобильник сдох, и я завис на дороге на ночь глядя.

– Куда ехать? – спросила Анна, прерывая монолог мужчины и включая зажигание.

– Бульвар Тараса Шевченко, это не далеко, я покажу.

– Я знаю, где это. – Машина плавно тронулась.

– Хотите посмеяться? Я живу на Тараса Шевченко, и меня зовут Тарас.

Анна улыбнулась одними губами.

– Правда, ирония судьбы? А я, кстати, вас узнал сейчас. Только выглядели вы немного иначе. Блондинка, да, вы были блондинкой. Сменили имидж? Тоже не плохо, но блондинкой вы эффектнее выглядите. Сейчас стали проще что ли.

– Ага. И люди ко мне потянулись. Я вас тоже узнала.

Анна точно вспомнила пару из кафе. Примерно с неделю назад. Тарас, как сейчас представился мужчина, вызвал такси, он был с невысокой худенькой девушкой, нервной и визгливой. Когда девушка увидела блондинку за рулем, то категорически отказалась ехать.

– Ты с ума сошел? Я не поеду с ней. – Закричала спутница, едва Тарас распахнул перед ней дверь. – Офигеть. Да она нас и до перекрестка не довезет. Угробить меня хочешь?

– Не говори глупостей. Это же такси, тута берут опытных и проверенных людей. – Попытался убедить мужчина. – Наверняка, эта девушка хорошо водит машину. Смотри, ни одной царапины.

Анна молча, не поворачивая головы в сторону споривших, да и не нужно это было ей делать и так все прекрасно видела, ожидала конца спора.

– Не поеду, – девушка решительно отпрянула. – С ней не поеду.

– Ну не выгонять же мне ее, а самому за руль садиться. – Попытался отшутиться мужчина.

– Плевать, вызови другое такси!

– А вдруг опять приедет блондинка? Может у этого такси имидж такой – блондинки за рулем?

Анна видела, что мужчина скорее забавлялся, чем был зол.

– Звони в другое такси и предупреди, чтоб приехал мужик. – Вопила девушка, переходя на визг. – Или сам уже не мужик, если с такой ерундовой проблемой не можешь справиться?

– А в чем проблема? – Теперь Тарас рассердился. – Твоя зависть? Мне позвонить в такси и сказать, что вид блондинки за рулем оскорбителен для тебя?

– Дурак!

– Как хочешь, а я еду.

Мужчина дернул дверцу на себя так, что девушка чуть не упала, сел рядом с Анной и резко захлопнул дверь.

– Поехали. – Анна завела мотор.

Через секунду Тарас добавил:

– Впрочем, извините. Я тоже не еду. Она права – надо решать проблемы. Здесь и сейчас. Вот, возьмите деньги. Еще раз извините и..., хороших вам пассажиров.

Мужчина вышел и размашистым уверенным шагом направился к оставленной подруге.

Окончания концерта Анна смотреть не стала. Не ее дело. Да и она тоже внутри себя негодовала. Она ничем не заслужила оскорблений....

Все это вспомнила Анна в доли секунды. Тарас тоже притих, наверно снова переживая ситуацию. И, наконец, сказал:

– А наверно вы правы, что сменили внешний вид. Не все готовы ломать свои стереотипы, какими бы смешными они не были. Скажите, а вы тоже тогда подумали, что я не мужик, раз не могу с дамой своей справиться?

– Нет. Я вам посочувствовала, – коротко ответила Анна.

– Да уж. Знаете, а вы мне нравитесь, – признался вдруг Тарас. – Вы такая немногословная и уверенная, будто наперед все видите.

Анна слегка вздрогнула.

– Это вам так кажется на фоне вашей эмоциональной подруги. – Произнесла она.

– Нет, не поэтому. Я сам водитель со стажем. Просто моя машина сейчас в ремонте, и я вынужден пользоваться вашими услугами. Но я вижу, как вы ведете, ни одного лишнего движения, без суеты, будто знаете наизусть весь маршрут и можете проехать его с закрытыми глазами.

Сердце Анны нервно сжалось.

– Вы давно в такси работаете?

– Полгода.

– Но наверно стаж вождения большой, хотя... вы так молоды. Не сочтите за назойливость, но может скажите, как вас зовут, а то я то признался. – Тарас улыбался во весь рот.

– Не думаю, что это может быть секретом. Анна.

– Шикарно. Вам подходит. Так просто и в то же время так величественно по-королевски.

– Тарас, ваш бульвар. Какой дом? – Прервала Анна рассуждения пассажира.

– Ох, да. Мы немного проехали. – опомнился Тарас. – Простите. Остановите. Я сойду тут и пройду.

– Не надо. Мы обязаны доставить пассажира до подъезда, – заученно произнесла Анна, притормозила и включила заднюю передачу. Она проехала метров 30 задом почти беззвучно: – Теперь вы на месте.

– Спасибо, – мужчина смотрел на нее, чуть ли не раскрыв рот. – Фантастика. Вы даже не смотрели в зеркало, а так точно доехали.

– Ошибаетесь, я смотрела, – возразила Анна.

– Я наблюдал за вами, Анна. Но не буду спорить. Еще раз благодарю. Вот деньги.

Тарас расплатился, но не торопился выходить.

– Да. Мне не хочется с вами расставаться, – произнес мужчина, будто отвечая на ее вопрос. – Можете еще пять минут постоять со мной?

– Не думаю, что это хорошая идея, но вызовов пока нет. – Анна выключила мотор.

Что-то в Тарасе ее притягивало и настораживало одновременно. Сначала она винила промокший костюм, сквозь который трудно было разглядеть ауру эмоций, но потом поняла, что при всей своей словоохотливости он человек «закрытый». Встречаются такие люди. Вроде улыбаются и болтают, а душа на огромном амбарном замке. Такие люди были для Анны загадкой, и она их сторонилась.

– Вот не могу понять, как молодая и красивая девушка ездит по ночам и не боится? – Продолжил рассуждения Тарас. – Ведь всякие люди встречаются. А вдруг я маньяк? И собираюсь завладеть вами и убить?

– Два маньяка в одной машине – маловероятно.

Тарас расхохотался шутке громко и раскатисто.

– Да и с юмором у вас в порядке и все же?

– Я людей не боюсь.

– Странная вы все же.

– Может быть. У всех свои странности.

– Да? И у меня есть?

– Конечно.

– Какая, на ваш взгляд?

– Странно, что симпатичный и молодой мужчина, чувствуется, что образованный и успешный, связался с взбалмошной истеричкой.

Тарас нахмурился.

– Это не то, что вам кажется. И история знакомства длинная. Знаете, готов вам рассказать обо всем, только при других обстоятельствах. Можно я приглашу вас куда-нибудь в свободное от работы время? Правда я работаю днем, а вы, так понимаю, по вечерам. Но бывают же у вас выходные?

– Не думаю, что это хорошая затея. Вы не обрадуетесь.

– От чего же? Ладно.. Понимаю. Не я первый навязываю знакомство.

– Не в этом дело, – попыталась возразить Анна. Ей хотелось, ужасно хотелось проникнуть за амбарный замок и посмотреть, что там спрятано, но было страшновато.

– Я буду каждый вечер делать личные заказы на вашу перевозку, пока вы не согласитесь, – Тарас улыбался своей идее.

– Что ж, попробуйте. А теперь мне пора, – сказала Анна, видя входящий вызов от диспетчера.

– Удачно доработать, Анна. – Тарас нехотя вышел. – И все-таки, вы согласитесь.

– Время покажет, до свидания.

Машина нервно взревела мотором. Что же там за замком? Обычно при расставании любые люди расслабляются и можно проникнуть хоть одним глазком в их чувства. А тут сплошная стена внешних эмоций – осязание, слух, обоняние, какие-то всплески удивления и неподдельного интереса. И еще, огромное чувство ВАЖНОСТИ происходящего. Странно. Чем Анна так стала важна для Тараса?

Дома Анну ждал сюрприз. Войдя в прихожую, она сразу почувствовала, что в доме, кроме Таси, посторонний. Анна настороженно зашла в большую комнату. Картина ее обескуражила. Тася и незнакомый молодой человек сидели по-турецки на полу и азартно бились в компьютерную игрушку.

– Тася? – удивленно взметнулись брови Анны над темными очками.

– Ой, Анечка. Ты пришла, – соскочила маленькая девушка. – Прости, родная, не заметили мы время. Это Паша. Он живет в нашем подъезде.

Худощавый молодой человек с волосами в «хвост», вернее «хвостик» – такими они жидкими были, вскочил с пола следом за Тасей.

- Павел, – еле слышно произнес он. Анна видела его смущение и растерянность.
- Паша – студент, – с такой важностью сообщила Тася, будто это королевский титул.
- Студент? И что студент делает тут ночью? Разве не пора спать, разве не на лекции завтра? – Анна напустила строгость на себя.
- Ой, да, простите. Я, мы... просто увлеклись. Мы играли... Я уйду.
- Паша быстро нырнул в кроссовки и испарился как джин назад в бутылку.
- Аня, ну могла бы быть и повежливей, – Тася вздохнула. – Расскажу страшную историю.
- Уже почти утро, и страшные истории не в тему, – сказала Анна, наливая себе кофе.
- И все-таки, не только у тебя события, – Тася взобралась на табуретку рядом. – Случилось вот что. Вечером, я заметила, что нет молока к твоему любимому кофе. Ты оставляла денег, вот я и решила сходить в магазин.
- Тася, говорила тебе, что без особой необходимости не ходи одна на улицу.
- И ты хочешь, чтоб я сидела в четырех стенах, да? Да что я – зверушка домашняя? Я тоже хочу быть полезной, и хочу самостоятельности. – Тася чуть не расплакалась.
- Ладно, прости меня. Ты имеешь право на самостоятельную жизнь. Просто люди злые очень бывают, сама знаешь... И что дальше?
- Ну, вот, – оживилась Тася. – Один такой злой и пьяный привязался ко мне уже во дворе. А Паша заступился. Вот. Он – мой герой. А потом разговорились. Он студент, учится на программиста. Я и пригласила его твой комп наладить. Он ведь у тебя давно виснет, захламлен ерундой. Паша талантливый. Он все исправил. А потом игрушку приволок, мы и заигрались. Ну, прости, Анечка.
- Я не сержусь. Я переживаю за тебя.
- Нет, Павлик хороший. Можно же с ним дружить?
- Ладно, дружи. Но про меня молчок. – Предупредила Анна.
- Конечно, Анечка, я ли не понимаю.
- И по улице поосторожнее будь. Мы еще с твоей теткой не решили ничего. Вдруг все же тебя ищет?
- Эх, – вздохнула Тася. – И это понимаю. Но будь спокойна. Я адресок ее написала, если вдруг пропаду.
- Все предусмотрела? – обняла подругу Анна и улыбнулась. – Умница ты у меня.

7

Тарас не обманул. Каждый день поступал предварительный заказ именно на нее, Анну, ровно на 20.00, о чем любезно предупреждал диспетчер. И отказаться не было возможности под предлогом занятости, так как именно в это время начиналась ее вечерне-ночная смена. И вот уже неделю начиналась с получасовой поездки от центра города до нового коттеджного поселка на окраине. Анна злилась и радовалась одновременно. Злилась, потому что не любила такой зависимости, и еще потому, что не могла никак понять закрытости Тараса. Но испытывала радостное волнение от его присутствия, ей интересны были те разговоры с ним, что велись по большей части им. Чувствовался человек незаурядный, тонко чувствующий и с долей иронии относившийся к себе и к жизни вообще. Хотя Анна так и не поняла, чем он занимается – а спросить не решалась, но некоторая властность в действиях говорила, что он не простой офисный клерк.

– А у меня, между прочим, завтра день рождения, – как-то признался Тарас. – Да, еще один толи подарок, толи насмешка судьбы. Я родился именно 23 февраля. Маленький я все время думал, что народные празднования ведутся в мою честь. А повзрослев – понял, что меня обделяют подарками.

Анна невольно рассмеялась. Смеялся и Тарас.

– Да, больше не позавидуешь только тем, кто родился 31 декабря, – успокоила Анна. – Надеюсь, что вам починили вашу машину к празднику?

– Ее давно починили, еще 5 дней назад. – Тарас стал серьезным. – Анна, я неделю не навязывался к вам с предложением. Понимал, что вы не из тех женщин, кто сразу готов принять от незнакомого мужчины приглашение на свидание. Но разрешите воспользоваться своим маленьким преимуществом, ведь у меня завтра двойной праздник.

– Я работаю, – коротко бросила Анна, все же не без секундного замешательства.

Это замешательство заметил Тарас и ринулся в бой, не дав Анне дальше и рта раскрыть.

– Я понимаю, что у таксистов завтра рыбный день в плане заработка. И не хочу, чтобы вы что-то из-за меня теряли в этом плане. Давайте так договоримся, я оплачу все по тарифу, как если бы нанял такси по часовой таксе на весь вечер, причем в двойном размере как за праздничный.

– Вы что-то путаете, Тарас, я не продаюсь. – Анна нахмурилась.

– Прошу, Анна, не сердитесь. Считайте это деловым предложением. Вы просто отдохнете, ведь должен быть у вас выходной. Обещаю даже, что это не будет выглядеть как свидание. Мы не будем вдвоем. По случаю своего дня рождения я заказал столик в ресторане на 15 мест. Уверяю – вам не грозит нескромное приставание с моей стороны.

– Но... я не знаю даже, что подарить вам. Я вас совсем не знаю, а банальности не люблю. – Попыталась все же отвергнуться Анна. Она ужасно не любила шумных пьяных компаний. К тому же выпивала очень редко и ровно столько, чтоб не мутился разум, но отпускала иногда наваливающаяся скованность в груди. Для этого, как правило, хватало бокала мартини или мензурки хорошего коньяка.

– Мне ничего не надо дарить, – не отступал мужчина. – Я равнодушен к подаркам. У меня уже арсенал мыльно-рыльных принадлежностей, галстуков и рубашек столько, что впору торговать ими. Не говоря уже о часах, портмоне, ежедневниках и пепельницах, хотя, заметьте, не курю. Все, что мне нужно – я могу купить сам. Подарите мне всего лишь вечер вашего присутствия. Это будет самым лучшим подарком.

– Хорошо, – неожиданно даже для самой себя согласилась Анна. – Только с одним условием.

Мужчина весь подался к ней, затаив дыхание.

– Вы ничего не будете мне оплачивать. Если хотите, чтоб это был действительно подарок.

– О боже, а я уже приготовился к речи Золушки, что ровно в 12 она должна убежать из дворца, – Тарас расслабился и рассмеялся. Улыбнулась и Анна. – Тогда я заеду за вами завтра в 6 вечера на такси, побудьте хоть раз вы пассажиркой.

– Нет, – поспешно отказалась Анна. – Я приеду сама. Скажите куда.

– «Камелот», знаете этот ресторан?

– Да. Я буду ровно в 6, – пообещала на прощанье Анна.

«Камелот». Ей ли не знать этот ресторан. Самый престижный, огромный и дорогой в городе, где праздновали свои праздники почти все знаменитости города и денежные приезжие. Причем одинаково его любили и представители власти, и криминальные тузы. Кроме своей изысканной кухни от французского шеф-повара и живой музыки ресторан привлекал своим средневековым оформлением. К тому же и расположен он в отреставрированных руинах настоящего замка от рыцарей какого-то древнего ордена. Анна невольно улыбнулась. А помнила она его по той причине, что это было излюбленное место их с отцом. Два раза в год они приходили сюда обедать. В ее день рождения и в день рождения мамы, это был и ее излюбленный ресторан.

Надо сказать, что, не смотря на обособленную жизнь, Анна знала почти все места в городе – начиная от ресторанов и кафе и заканчивая музеями, библиотеками и парками. У них была традиция – раз в неделю, по выходным, отец всегда ее куда-нибудь водил, рассказывал подробно о заведении, его плюсах и минусах, и особое внимание, не понятно почему, всегда

уделял месту расположения и всем уголкам помещения. Анна, со своей хорошей памятью, помнила все в деталях, стоило раз ей посетить какое-то место. Вот и сейчас она вспомнила «Камелот» и улыбнулась. В детстве она всегда представляла себя там средневековой принцессой на фоне каменной кладки стен и искусственно прокопченной мебелью, электрическими факелами и официантами в фасонах старинных одежд. Вечер обещал быть волнительным вдвойне от ее воспоминаний.

– Анечка, ты пойдешь на свидание! – радостно воскликнула Тася на новость. – Я тебе даже немного завидую.

– Это не совсем свидание, – отозвалась Анна, вытягиваясь на диване.

– Да ну? А что ты наденешь? А ты будешь опять блондинкой или? А кто он? Симпатичный? – засыпала вопросами Тася подругу. – И как ты можешь спокойно лечь спать, если не готов наряд?

– Тася, остынь, – повернулась на бок Анна. – Я устала, мне надо выспаться. Какая разница, что я надену? Что есть.

– Да ты что? В уме? Да может это судьба? А ты вот тут такая придешь вся в рваных джинсах и вытянутом свитере. А куда идешь?

– Угу, в свитере, – пробормотала Анна, сонно зевая. – «Камелот»... есть такое место.

– Ну, ладно, подруга, спи-спи, – как-то подозрительно быстро согласилась Тася.

И сквозь проблески сна Анна услышала возню Таси у шкафа.

Анна проснулась далеко за полдень, с кухни доносились вкусные запахи стирки. Кто-то негромко там переговаривался. Анна запахнула халат и осторожно направилась в ванную. Заканчивая душ, услышала как Тася скребется в дверь.

– Анечка, – прошептала подруга сквозь приоткрытую щель. – Очки. У нас Вера.

– Поняла.

Странно, что соседка, которая поначалу ревновала Анну к Тасе, опять стала частой гостьей в доме.

– Доброе утро, – произнесла Анна, входя на кухню.

– День, вернее уже и почти вечер, соня, – Вера хихикнула. – А ты, похоже, и спишь в очках, горемыка. Ладно, садись завтракать или полдничать, это как хочешь, а потом у нас к тебе дело.

– На миллион? – глотнула наперво кофе Анна.

– Почти, – тоже хихикнула Тася.

– Заговорщики, – обозвала их Анна.

– Что это? – растерянно спросила Анна, когда ее после трапезы, как настоящую принцессу, препроводили в комнату.

– Это твой парадно-выходной наряд, – гордо произнесла Тася.

– Это? Где вы его взяли?

Анна пропустила между пальцами нежный тончайший шелк. Нежная изумрудная зелень стекла прохладой с ладони.

– Вера принесла, – а я немного подкорректировала, – скромно заявила маленькая девушка. – Я же говорила, что и шить умею.

– Правда, красота? Жаль, что не видишь, – вставила Вера. – У меня оно сто лет висит без дела, да и располнела я давно и не по чину мне такое носить, пусть и в праздники. А шелк настоящий, советский. Такого сейчас не найдешь.

– Но, тетя Вера, мы же разного роста с вами, как же...

– Анечка, а я его спереди подрезала, ножки твои красивые показать, а сзади удлинила. Смотри как незаметно вышло в складках. Лиф переделала, и в рукавах надрезы. Кое-что еще у тебя из гардероба позаимствовала для деталей. И, вот... – пояснила Тася.

– Вы волшебницы, – призналась Анна. В носу противно защипало от подкативших слез. – Спасибо вам. Платье, действительно, получилось сказочное.

– Да будет тебе, – шмыгнула носом Вера. – Повеселись, дочка. Да, кстати, а меня Петя, то есть Петр Иванович, пригласил сегодня тоже в ресторан. Правда, не в такой крутой.

– Эх, одна я не у дел, – притворно вздохнула Тася, и Анна заметила это притворство.

– Тася?!

– А что Тася? Буду всю ночь концерт по телику смотреть и за вас переживать. А я и туфли подобрала тебе. Эти удобные? – Тася поспешила переключить тему.

В итоге всех приготовлений, где подруги суетились больше, чем она, Анна чуть не опоздала. Все-таки в споре – блондинка или шатенка, победила Анна. Тася уверяла, что блондинка лучше сморится, но Анна настояла надеть парик. Ей не хотелось слишком привлекать внимание. Еще добавила затемненные очки и карие линзы. Линзы она не любила, от них через пару часов начинали чесаться и слезиться глаза, мешая ей четко видеть, но она понимала, что вероятно наступит момент, когда Тарас захочет увидеть ее глаза без очков, и решила потерпеть для такого случая. Не пугать же мужчину на первом свидании. А что это будет именно свидание, пусть и не наедине, Анна понимала.

Анна скинула плащ в гардеробе, слегка притормозила у узких зеркал, поправила одним движением волосы, не глядя в отражение, и вошла в зал, остановившись наверху трех крутых ступенек.

Звучала музыка, своими ритмами тоже напоминая старые времена. Анна неподвижно оценивала обстановку в зале. Она была похожа на принцессу из сказки, внезапно очутившейся на балу. Легкое платье воздушным облаком окутывала стройную фигуру, не скрывая, а подчеркивая достоинства.

Навстречу ей медленной торжественной походкой шел Тарас, держа в руке длинную алую розу.

Казалось, что все замерли вокруг. Тарас с улыбкой протянул даме руку. Анна слегка коснулась ее кончиками пальцев и вспыхнула от этого легкого прикосновения. Волшебство начиналось.

Но едва Анна сделала несколько шагов, как что-то заставило ее замереть. Она на миг остановилась, еще раз окинув мысленным взором окружающее. И сказка стала приобретать несколько зловещий вид.

В одном конце зала, прямо за ее спиной, сидел полицейский Дима со товарищами и двумя дамами, а в дальнем углу, за решетчатой перегородкой – большой шумной компанией с вольными девицами расположился Виталик-Ватикан...

Вечер обещал быть интригующе жарким во всех смыслах. У Анны противно дрогнуло в груди от предчувствия чего-то непоправимого. Но отступить было некуда.

8

– Так вот какого сюрприза мы ждали, – пробасил огромный мужчина, представившийся Анатодем, когда Анну царственно посадили за стол. – Тарас, а она хорошенькая. Да что я говорю. Необыкновенная просто красота.

– Я Марина, – протянула первой узкую ладошку хрупкая девушка, в которой Анна, к своему удивлению, узнала давнюю скандальную спутницу Тараса.

– Это моя сводная сестра, – при этом почти продышал в ухо Тарас.

– Лаура, – томно протянула грациозная блондинка с глубоким декольте.

– В миру Лариса. Моя коллега. – Потешался Тарас. Блондинка скорчила гримасу.

– Максим, – легкий поклон невысокого, но элегантно мужчины неопределенного возраста с сединой на висках.

– Мой лучший друг и босс по совместительству, – пояснил Тарас.

И еще вереница новых лиц и имен, которые Анна даже не старалась запомнить. Все внимание рассеивалось на окружающее. Да еще эти дурацкие линзы, которые сильно мешали и отвлекали.

Когда знакомство закончилось, все переключились на именинника. Начались традиционные поздравления, тосты, шутки, подарки. Но Анну не покидало чувство нереальности и какой-то фальши происходящего. Она чувствовала, что не Тарас главный на этом празднике, а она. Да, именно она. Неужели любопытство людей так сильно? Тарас представил ее как свою девушку, не спрося даже разрешения у нее. Анна не стала возражать прилюдно, дабы не портить праздник человеку, но в душе покривилась. Но что ж, с нее не убудет. По большей части ей все равно, а Тарасу приятно.

Анна улыбалась одними губами, что-то тоже говорила, изредка коротко отвечала на вопросы к ней, но напряжение не покинуло ее даже после нескольких глотков мартини.

– Лучше пей, – вдруг посоветовала Марина, отставляя очередной пустой бокал. Она уже изрядно набралась, глаза смотрели осоловело и зло.

– Хороший совет, – вежливо кивнула Анна и пригубила вино. – Главное, вовремя.

– Я всегда даю хорошие советы, – не заметила иронии девушка. – Но в этой компании всегда так. Либо напиться, либо сбежать.

Через какое-то время про именинника вовсе забыли. Каждый уже старался оторваться во всю. Дамы беспрестанно кокетничали, нарочито громко заливаясь смехом над не очень смешными шутками мужчин. Громко играла музыка. В центре зала уже начались стремительные танцы под яростное перемигивание светомузыки.

– Потанцуем, – предложил Тарас под неведомо откуда взявшийся в этой какофонии медлячок.

И, не дожидаясь согласия, чуть ли не волоком увлек Анну в центр зала. Толи от выпитого, толи от непривычности обстановки у Анны слегка закружилась голова. Почувствовав руки Тараса на талии, она вцепилась в его плечи. Мужчина привлек ее к себе так, что Анна ощутила его учащенное сердцебиение. И вдруг неудержимо захотелось прижаться к чужому телу, укрыть лицо на груди и забыться до растворения в чем-то неизведанном, манящем и страшном в своей новизне одновременно.

– Не обращай внимания на компанию, – произнес Тарас в самое ухо, обжигая дыханием. – Они мне не друзья. Так, случайные люди, с которыми свела жизнь при разных обстоятельствах. У меня нет друзей. Я один по жизни.... Как и ты.... Я чувствую в тебе что-то родное и близкое.... Знаю, что только ты поймешь меня.... Кажется, что знаю тебя сто лет....

Анна молчала, наслаждаясь каждой недоговоренной фразой. Ей хотелось повторять в ответ каждую его фразу. Но что-то останавливало, невидимой нитью связывая язык.

– Знаешь, что мне сейчас охота больше всего? – спросил Тарас после недолгой паузы. – Хочу видеть твои глаза. Мы знакомы не первый день, а я так и не видел твоих глаз. Корректно молчу, не спрашивая – почему ты всегда в темных очках. Догадываюсь.

Анна напряглась, сбрасывая оцепенение.

– Признайся, у тебя фотофобия. Поэтому ты и в темных очках, и любишь работать по ночам. Я сразу понял. Знал таких людей. В этом нет ничего дурного.

В этот момент музыка смолкла, танцующие пары разошлись, но они остались стоять. Тарас крепко прижимал к себе Анну и ждал ответа. Девушка слегка отстранилась, медленно поднесла руку к лицу и сняла очки, поднимая лицо и стараясь сосредоточиться внутренним взглядом на лице Тараса.

– Спасибо за доверие, – одним вздохом прошептал мужчина, руки его задрожали. – У тебя самые прекрасные глаза на свете.

В этот момент сзади что-то грохнуло, выводя их из оцепенения. Тарас резко развернулся на звук, не выпуская девушку из объятий, та поспешила надеть очки. Она уже увидела что произошло.

Гуляла подвыпившая компания Виталика-Ватикана. Затеялся спор между сидящими за столом, и кто-то резко вскочил, отшвырнув пьяной рукой стул чуть ли не на танцплощадку. Виталик грозно встал во весь рост, глухо и коротко рыкнул, как потревоженный лев, и опустился на место. Компания притихла.

И одновременно Анна увидела, как компания полицейских, находящихся в другом конце зала, как по команде втянули головы в плечи и стали увлеченно поедать закуску с тарелок. Они не хотели привлекать к себе внимания.

Что-то было не так. И дело не в разношерстных компаниях в зале. Анна просто нутром чувствовала, как все ниточки происходящего тянутся к ней. Она не понимала причин этого, и это тревожило больше всего.

Зачем она здесь? Она же просто пришла отдохнуть, приняв случайное приглашение недавнего знакомого. Но каким-то образом оказалась центральным звеном среди треугольника Тарас – Виталик – Дима. Анна чувствовала себя на вершине этой непонятной пирамиды, и это начинало злить.

Вновь заиграла музыка в бешеном ритме, танцплощадка, как по волшебству, наполнилась танцующими.

– Мне надо в дамскую комнату, – поспешно отстранившись от Тараса, произнесла Анна, и поспешила вон.

В туалетной Анна долго мочила глаза в холодной воде, скинув ненавистные линзы. Теперь можно облегченно вздохнуть, второго показательного выступления со снятием очков она сегодня Тарасу не покажет ни за что. Затем, промокнув лицо бумажным полотенцем, двинулась к выходу. Задумалась на миг у двери – под каким благовидным предлогом покинуть вечеринку в самом разгаре.

В фойе у зеркала стоял Дима, приглаживая волосы и поправляя галстук. Анна хотела проскользнуть мимо, но мужчина вдруг произнес, не поворачиваясь к ней:

– Анна Ивановна, мой совет по дружбе – уходите отсюда как можно быстрее.

– Вот как? – Анна сделала вид, что тоже остановилась взглянуть на себя в зеркало. – Что происходит?

– Не имею право объяснять. Просто послушайте и уходите.

Мужчина резко развернулся и пошел в зал. Анна поняла, что он караулил ее специально. Она задумалась, все так же стоя у зеркала, когда кто-то огромный обхватил ее за плечи.

– А-аа, вот и моя красотка-спасительница, укротительница мустангов – взревел Виталик, обнимая Анну по-хозяйски. Сзади маячили двое «друзей» с постными минами, к которым по большей части и адресовались его слова. – Слышите, коняки! Это самая крутая водительница железного коня. Я в своей жизни повидал всякого, но чтоб баба удивила меня в этом – впервой. Я ей обязан очень многим, конь меня копытом бей. Че стоите, рты разинув? Отвернитесь что ль, дайте бабу нормальную потискать.

«Друзья» развернулись по-военному четко, чуть не прищелкнув каблуками. Анна попыталась вырваться из медвежьих объятий, но Виталик был как скала.

– Буду благодарить тебя, чика, пока жив, – прогремел Виталик-Ватикан, еще больше сжимая Анну, и тут же в ухо полупшепотом: – Аннушка, дуй отсюда, ветер тут не хороший. Я тебя, конечно, в обиду не дам, но уж больно тут сегодня жеребцы крутые на выгуле.

– Аня?! – в фойе появился Тарас. Глаза его гневно сверкали. – Что тут происходит?

«Друзья» Виталика встали на пути удивленного Тараса все с такими же ничего не выражающими лицами.

– О! Это твой жеребчик? – Ватикан наконец выпустил Анну из объятий. – Хорош. Да не дрейфуй, браток. Анька... Анна твоя.. Я у нее в должниках. А облапал, так по-братски, не ревнуй. Все, ухожу, ухожу, ухожу.

– Кто это был? Что за друг такой? – Тараса билa нервная дрожь. – По-моему, я видал подобного типа на плакате «Их разыскивает полиция».

– Знакомый, ты же сам знаешь, что у меня нет друзей. – Мелькнувшая мысль о Тасе, Вере и Иваныче несколько сконфузила Анну, но объяснять большего не стала. – Тарас, мне что-то не очень хорошо. Я, пожалуй, поеду домой. Вызови мне такси. И прости.

– Но, Анна. Как же так? Так все внезапно. – заволновался Тарас не на шутку. – Я чем-то обидел тебя?

– Нет, что ты, ни в коем случае. Просто... просто голова разболелась. – Все, что пришло на ум.

– Ясно... Прошу, еще полчаса. И я провожу тебя до дома. Компания поднаберется, и им будет уже все равно – есть мы или нет. А заметят – так дело не хитрое. Поймут.

Анне не понравился такой аргумент, но спорить не стала и послушно вернулась в зал.

– А-аа, вот и пропавшая, – воскликнул Анатолий. – А мы уж подумали, что тебя эльфы похитили или уже полночь, и Золушка сбежала, оставив туфельку.

– Ага, а принц такой идиот, что не запомнил лица, и потом по всему королевству будет бегать с туплей и искать, кому впору. – Добавила Марина, с пьяным упорством вытряхивая последние капли из бутылки с вином. – Вот, говорят, что из пустой бутылки можно накапать еще сорок капель. Врут! Проверила. Все врут. Все и всё врут. Особенно за этим столом.

– Голубушка, ты уже набралась, – заметил Тарас нахмурившись. – Болтаешь много и не по делу. Давай такси вызову.

– Нет, лучше еще вина, – Марина пьяно икнула и удобно пристроила голову на руки.

– Ну, вина так вина, – вдруг согласился Тарас. – Официант!!!

У столика как джин из бутылки материализовался молодой человек в средневековом костюме, искусно изрезанном модельером.

– Шампанского. – Коротко бросил Тарас. Официант так же бесшумно исчез.

Анна удивилась такому выбору в разгар застолья, но промолчала.

Что-то стало сгущаться темным плотным кольцом вокруг калейдоскопа вспышек светомызыки. Анна почувствовала, как напряглись нервы почти всех сидящих в зале...

Сначала появились две тени у входа в зал. Затем еще с дюжину теней выросли по периметру. Тарас нашел руку Анны и сжал в своей. Она почувствовала его напряжение и страх. У нее и самой отчаянно колотилось сердце, готовое вырваться наружу. Полицейский Дима развернулся и почему-то сочувственно смотрел на нее. Даже пьяная Марина, казалось, протрезвела.

Музыканты смолкли, и резко взорвалась орущая во все динами и давящая на уши запись какой-то иностранщины.

В зал медленным вальяжным шагом вошел поистине квадратный человек. Он не был толст, но ширина его плеч была под стать росту. Квадратная нижняя челюсть и лысина с густыми волосами по бокам дополняли картину его «квадратности». Мужчина пересек зал, на секунду замерев у столика с Анной, и она готова была поклониться, что чем-то заинтересовала его. Но «прочесть» его не смогла. Он был как в пуленепробиваемом панцире для этого.

– Куб пришел, не жди добра, – пробубнила Марина и снова улеглась на руки.

Тот, кого называли Кубом, водрузил свой квадрат тела за столик Виталика-Ватикана.

– Давай вызову такси и провожу тебя, – неожиданно предложил Тарас. – Ты же хотела домой.

– Теперь не хочу, – отрезала Анна. – Я должна быть здесь.

Тарас промолчал, захлопнув рот со слетающим с языка вопросом, и только сильнее сжал руку Анны.

Минут десять все было спокойно, только так же нестерпимо громко орала музыка. Подвыпившие гуляки потянулись на танцы. Анна внутренне вся сосредоточилась на том, что происходило за столом Ватикана, и что-то пропустила. Ибо в следующий момент с криком «всем оставаться на местах» ворвались люди в камуфляже и с оружием. Анна увидела, как Дима метнулся в ее сторону. А Тарас резко дернул за руку и сквозь музыку проорал почти в ухо:

– Бежим!!

Все смешалось в какую-то какофонию людей, криков, звуков и стрельбы.

Но, как ни странно, к Анне пришло спокойствие, будто именно этого она и ждала, будто это ее стихия. Она увидела Диму, бросившегося на пол при звуке стрельбы, почти в метре от себя. Резким движением девушка пригнула Тараса и буквально втокнула его под стол, затем прыжком растянулась на полу возле полицейского.

– Дима, выключи везде свет. Рубильник за стойкой бара справа, – крикнула она.

Дима послушно кивнул.

И снова прыжок. Под стол... К Тарасу...

– Бери Маринку и еще кого сможешь, слева за танцплощадкой дверь в гримерку, оттуда выход есть на улицу.

– А ты?!! – Тарас удивленно тарашил глаза. – Я без тебя не пойду.

– Делай, что говорю, – приказала Анна. – Сейчас свет погаснет.

И снова прыжок за одну из колонн, подпирающих потолок...

Прошла минута, а может вечность...

Свет внезапно для всех погас и музыка смолкла. Раздалось несколько одиночных выстрелов. И всё замерло.

Анна почувствовала себя как рыба в воде. Оценила быстро ситуацию и траекторию побега. Тарас и компания в купе с пьяной Мариной уже за дверью гримерки. Дима, легко раненый в руку, за стойкой бара со товарищами. Ватикан... Ватикана крепко держали. Но не полицейские. Куб, под прикрытием своей банды, тащил Виталика через черный выход. Не одной Анне были известны все лазейки. Не долго думая, Анна метнулась на помощь самому нуждающемуся.

В узком средневековом полуподвальном коридоре, ведущем за территорию ресторана, двое тащили Виталика к выходу. Он брыкался и отбивался, но темнота мешала наносить точные удары. За ними шествовал Куб под прикрытием еще одного телохранителя, в руках которого был мощный фонарь. Анна не знала, чем поможет Виталику, но знала, что сможет.

Она знала еще про один коридор, про который не знал Куб, или не смог добежать. Он выходил перпендикулярно у выхода к тому, по которому сейчас шли бандиты. Анна, которой темнота не мешала, а наоборот помогала, в считанные секунды оказалась впереди невольных экскурсантов...

Она ждала их у выхода.

– Куб, а ты уверен, что дверь не заперта? – спросил один из бандитов, тащивший Виталика. Виталика уже достаточно потрепали, и он обмяк на ватных ногах.

– Я договорился. – Коротко ответил Куб. – Не доверяешь? Или боишься? Тут привидений нет.

И вот заветная дверь. Хрясь!!!

– Куб, а дверь-то заперта.

– Не может быть. Отойди.

Анна, стоявшая на улице, спокойно наблюдала за потугами людей открыть дверь. Она, выскользнув наружу, подперла ее брусом дерева, валявшегося рядом – на территории ресторана вечно были ремонты.

– И что делать теперь, Куб? Ждать, когда менты нагрянут?

– Молчи и ломай дверь.

– Да она ж дубовая.

– Сам ты дубовый. Где ты в наше время дубовые двери видел? Это имитация.

Двое оставили полуживого Виталика на полу и попеременно начали ломиться в дверь.

– Хоть и имитация, а крепкая. Передохнем?

– Или передохнем. Ударение ставь правильно. Давай, ломай, – Куб стал терять терпение.

Анна ждала момента...

– Не, все. Надо отдохнуть. Похоже, что плечо выбил, – вскоре заявил один бандит.

– Хлюпик, – обозвал Куб. Но возражать не стал. Бандиты прислонились к двери, тяжело дыша.

– Что это? – спросил вдруг один из них. Все прислушались.

Снаружи доносилось легкое поскрябывание, потом легкие стуки в дверь и стены.

– Это че? Там кто-то ждет? Менты?

– Не думаю, – прислушался к звукам Куб. – Не должно их тут быть. Я бы знал. Да и не будут они скрестись.

– Кошки?

– Помолчи.

В это время Анна, нагнувшись к замочной скважине, тихонько завывала.

– УУУУ, ууу, – и тише, – уууух.

– Не понимаю, – пожал Куб плечами.

– А вдруг и правда – привидение? – Засомневался тот, кого называли хлюпиком.

– Идиот. Привидений не бывает, – толкнул его другой.

– Мне бабушка рассказывала.

– А мне не рассказывала, где идиотов делают, – разозлился Куб.

– А вы послушайте.

В это время застонал Ватикан.

– Тю, так это Ватикан стонет. Ну-ка дай ему, что б затих.

Удар в челюсть снова лишил Виталика чувств.

– УУУУ, ууу, ииии,ааауу. Хи-хи-хи.

– Не, слышь, это все ж не он.

– Так, дуралеи. Отдохнули? Ломай дверь, нечего байки травить.

– Уиииии,ьыы, ха-ха-ха... ХА-ХА-ХА.

Анна дурачилась уже во всю. Ей позавидовало бы самое лучшее привидение в мире.

– Ломай дверь, мать вашу, – заорал Куб, которого стала пробирать нервная дрожь.

Как только звуки выбиваемой двери возобновились, Анна решила, что вдоволь накуражилась. Она резко выбила брус, и дверь резко распахнулась, вываливая на улицу двух дюжих молодцов. От неожиданности они растянулись на земле. За их спинами маячили двое – Куб и телохранитель.

Картина, представшая им, на всю жизнь оставила одного заикой, а другого свезли в дурку. Куб и телохранитель исчезли из города в неизвестном направлении...

При свете яркой луны в бледно зеленом длинном платье, откидывающем мертвенный оттенок на лицо, с развивающимися на ветру миткалевой белизны волосами – парик в пылу событий девушка потеряла, – с белыми глазами без зрачков стояла Анна, с высоты своего не маленького роста молча взирая на мужчин. Руки она выставила вперед, как бы в приглашающем к объятиям жесте.

Секундная немая пауза и... потусторонний дикий хохот...

Враг повержен. Куб и телохранитель затерялись в коридоре с диким криком. Двое на земле лежали в глубоком обмороке. Анна молча перешагнула через них и подошла к Виталику, не забыв снова надеть очки.

– Эй, ты жив?

– Эх, хм, кхе-кхе. – Виталик слабо сел. – Ты кто? Аааа, женщина в очках. Я тебя знаю.

– Поторопись, – Анна протянула руку мужчине. – Встать можешь?

– Спрашиваешь. Я сам, – отмахнулся от помощи Виталик. – Э, а где Куб?

– Идем же.

– А с этими что? – перешагнул через бандитов Виталик.

– Устали тебя таскать. Да идем же. Надо подальше сейчас отсюда.

– Послушай, так это ты их что ли так? Ох, Анька. Чур меня от такой бабы.

– Это все, что можешь сказать в благодарность? – съехидничала Анна.

– Да что слова, чика? Я делом обязан благодарить... Эй, такси...

9

Как только они сели в машину, продрогшие и уставшие от пережитого, Виталик невозмутимо заявил:

– Второй раз ты меня спасаешь, чика. Вовек не забуду. Но будь добра довести дело до логического завершения. Мне сейчас домой нельзя. А твой адресок никто не знает. Смекаешь? Мне пару дней всего и надо.

Анна лишь кивнула в ответ, обхватив себя за замерзшие плечи. Виталик вдруг засопел и шумно стащил с себя порванный на спине пиджак. Затем бережно накинул его на Анну.

– Замерзла супербаба, – буркнул он себе под нос.

Зима хоть и имела календарный символ, но выдалась в этом году теплой и почти без снега. Такси доставило по пустынным улицам Анну и Виталика к ее дому. Водитель покосился, конечно, на их слишком не зимний наряд и побитую рожу Ватикана, но вопросов не задавал.

– Ой, мамочки, это кто с тобой, Анечка?! – вытаращила глаза Тася. С ее роста Виталик выглядел просто горой Джомолунгмой.

Виталик же, в свою очередь, тоже удивленно рассматривал маленькое существо.

– Это что у тебя тут такое? – немного растерялся мужчина. – Никак говорящая собачка... Ой, уйя..

Последний возглас относился к тому, что Тася на обидное слово пнула грозу бандитов в сухую кость ноги.

– Так, война окончена. Виталий, ты отнесись с уважением к Тасе, как и ко мне, – отчеканила Анна. – Ты мой гость, и веди себя прилично. Тася мне как сестра. Тася, а ты не обижайся, пожалуйста, на Виталика. Это он от недалекого ума сказанул, а больше от удивления. Нам сегодня очень досталось.

– Вижу, – насуплено ответила Тася. – Похоже, что свидание коряво прошло. Надеюсь, это не тот, к кому ты собиралась?

– Нет.

– Ничего не понимаю, но мир, – Тася великодушно протянула кукольную ручонку Виталию.

– Мир, – согласился тот, аккуратно, двумя пальцами огромной лапы, пожав протянутую руку, и добавил: – И прости уж.

Через час Тася, обработав умелой рукой раны Виталика, слушала обсуждение произошедшего. Анна и Виталик наперебой рассказывали событие, каждый со своей колокольни.

– Я вот понять не могу, – признался в конце концов Виталик. – Как ты смогла справиться с Кубом и его собаками?

– Полиция по пятам шла, вот они и дали деру, – соврала не очень умело Анна, но Виталик принял пилюлю.

– И еще одного понять не могу.... У нас с Кубом свои терки – это давнишнее, не спорю. Но чтоб войной друг на друга.... – Виталик недоуменно покачал головой. – Ну, хоть я и учился в школе плохо, но подлянки чую за версту, растопчи меня конь. И сегодня повода просто не было – меня вот так выволакивать ему. У нас негласное перемирие уж второй год. Я не трогаю его, он не мешает мне. А менты? Тьфу, полицаи... Что это за шоу было? Не мог Куб их привести с собой. И они не могли его вот так залопатить. У него все в городе схвачено. Что-то тут не так. Или кто-то более важный и сильный замешан, или цель какая-то другая была, чем я.... Пазлы не сходятся.

– Не сходятся, – согласилась Анна. – Я тоже почувствовала, что все не просто так, как кажется на первый взгляд. И Дима что-то знает.

– Дима? Кто такой Дима? Хахаль твой? – встрепенулся Виталик.

– Нет. В зале полиция тоже гуляла. Я знаю одного. – Призналась Анна. – Он предупреждал меня, чтоб я уходила домой. А вот ты почему меня гнал?

– Так и я знаю, и не одного, – расхохотался вдруг Виталик. – Я тоже знал, что полиция гуляет. А где два лагеря, да еще водка, то вероятность столкновения почти сто процентов. Вот и не хотел, чтоб ты пострадала в заварухе, разорви меня конем. ЧуднАя ты, Аннушка. Вот как к родной прикипел.

– Ладно, пора и отдохнуть, – Анна тяжело встала из-за стола. – Тася постелила тебе в отцовской комнате, ванна и туалет знаешь где.

– Сейчас бы водочки еще махнуть, – скис Виталик. – Нервы на пределе, а выпитое раньше – выветрилось, как и не пил.

– Тася, у нас вроде водка оставалась от именин Иваныча. Налей страждущему. А я с ног валюсь.

Но выспаться Анне не дали. Легла далеко за полночь, а в семь утра уже звонили в дверь.

– Кто там? – крикнула сонная Тася, не достававшая до глазка.

– Анна Ивановна Ястреб тут проживает? – донеслось из-за двери. – Это полиция.

– Полиция? – Испуганно высунулась из комнаты встрепанная голова Ватикана с заплывшим глазом.

– Закрой дверь и не высовывайся, – Анна, запахивая халат, на ходу одним хлопком закрыла дверь в комнату Виталика.

Тот буркнул что-то вроде «понял» и замер как кот в засаде.

– Заходите, Дима, – Анна гостеприимно распахнула входную дверь.

На пороге замялся лейтенант, он был при полной форме.

– Вот, – он смущенно протянул сверток. – Это ваше. Вы вчера все оставили. Я подумал, что это вам необходимо.

– Да заходите же, через порог не передают. Хотите кофе?

Не дожидаясь ответа, Анна направилась на кухню, лейтенант поспешил за ней, по пути разглядывая Тасю. Та стояла каменным идиолом, высоко подняв брови.

– Аня, еще один?!

Едва уловимый жест Анны заставил девушку прикусить язык. Но через мгновение она продолжила:

– Я хотела сказать, еще один кавалер у тебя появился?

– Я по службе, – оправдался Дима. – Вы пропали куда-то, а пальто ваше, сумочка – вот они. Даже мобильник цел, только, по-моему, разрядился.

– Спасибо большое, Дима. Да, мобильник разрядился. Странно, у него вчера было сто процентов, а я им даже не воспользовалась ни разу.

– Но вы даже не взглянули на него, – выразил удивление Дима.

– Вы ошибаетесь, – Анна взяла телефон в руки, он был без признаков жизни. – Ну, да ладно. Это не проблема. Еще раз спасибо. А как ваша рана?

– Да пустяки, лишь царапина. Пойдите, а откуда вы знаете про ранение? Ведь было темно.

Анна поняла, что сболтнула лишнее.

– Видела выстрел в вашу сторону.... За секунду до того как погас свет.

– Не может быть. Пуля попала, когда я уже выключил рубильник, – не унимался лейтенант.

– Правда? – Неумело удивилась Анна. – Значит, от вспышек выстрелов я это увидела. Ну не важно. Важно, что с вами все в порядке. – И тут же переключила внимание лейтенанта. – А вы знали о черном ходе за танцплощадкой? Вот я и сбежала оттуда вместе с компанией.

– Странно.

– Где мой зарядник? – Анна суетливо стала шарить в кухонной тумбочке со столовыми приборами, прекрасно зная, что зарядника там нет.

– А ваша компания в один голос уверяет, что вас с ними не было, – не унимался полицейский.

– Моя компания? Откуда им знать? Сами же знаете, что было темно. Я... я просто отстала в один момент от них, и не захотела больше присоединяться. А Тарас? Тарас тоже говорит, что меня с ними не было?

– Тараса Аркадьевича мы еще не опрашивали. Его тоже не помнят.

– Вот, я была с Тарасом. – Мигом ухватилась Анна за ниточку. – И, позвольте, это допрос? А где протокол?

– Нет, это пока неофициально все. Я просто, – смялся Дима. – Просто подумал, что зима, а вам, может и надеть нечего. Вот и привез вещи.

– Вот твой зарядник, – Протянула устройство Тася, напавив его в тумбочке прихожей.

– Спасибо, – Анна нарочито медленно вставила вилку в розетку, размышляя над возможными вопросами.

Едва она включила телефон, как тот ожил. Анна была несказанно рада отсрочке разговора.

– Аня, Аня! – Заорал в трубку Тарас. – Ты где? Я с ума схожу.

– Тарас, привет! Все в порядке, не волнуйся, пожалуйста. – Сердце подпрыгнуло от внезапного волнения. – Я дома, где же мне быть? Куда привез – там и нахожусь.

– Дома? Привез?... Ничего не понимаю... Как ты добралась? Я искал потом тебя повсюду.

– Тарас, я перезвоню чуть позже, – Анна попыталась закончить разговор, который при Диме принимал компрометирующий характер.

– Нет уж. Я, кстати, тут. Рядом.

– Где рядом? – Анна почувствовала как похолодели кончики пальцев. С ней всегда так бывало в минуты волнения.

– Я за дверью твоей квартиры. Телефон не отвечал, никто не мог ответить, где ты. Вот я и решил доехать до тебя, надеясь – и не напрасно, что ты дома.

– Но как?... – Начала было Анна вопрос, но осеклась. Как он узнал адрес? Но это сейчас не имело значения. Одна мысль вертелась в голове. Нельзя, чтоб Дима и Тарас встретились здесь и сейчас. Дотошный лейтенант начнет приставать к Тарасу с вопросами, и ее обман раскроется. – Тарас...

– Извините, это личное – это Анна бросила Диме и вышла из кухни. – Тарас, я устала и еще сплю. Нельзя ли на другой раз перенести свой визит. Сейчас очень рано.

– Анечка, я только хочу убедиться, что ты цела и невредима. Пять минут внимания твоего, чашечка чая, и я испарюсь. Мне просто это необходимо.

Анна прикрыла трубку рукой, чтоб собеседник не слышал ее, и произнесла одними губами, выглянувшей с кухни Тасе:

– Катастрофа.

Та все поняла. Кивнула головой, и моргнув хитрыми глазенками, исчезла за дверью.

– Дима, так, кажется, вас зовут, – обратилась она к лейтенанту. – Тут такое дело. У Анечки жених ужасно беспокоится за нее, и готов просто ночевать у дверей, лишь быть убежденными, что с ней все в порядке.

– Я понимаю, – как-то сник Дима, и встал. – Мешать не буду, ухожу.

– Нет, нет. Что вы, – Тася округлила глаза до размеров чайных блюдец. – Нельзя вам показываться ему на глаза. Он уже здесь, за дверью. Такое раннее время, а у Ани мужчина в гостях. Тарас ужасно ревнив. Ну, прямо как этот, как его, Отеля.

– Отелло, – машинально поправил Дима. – Но я же по службе.

– Да, точно. Отелло. По службе. Тарасу это сейчас не объяснишь. Анечка строгих правил девушка, и не допускает Тараса до себя до свадьбы. Ну, вы понимаете. И не важно, что вы по службе. Вы – МУЖЧИНА. И в такое время.

Тася осуждающе посмотрела на Диму, будто тот и правда пришел с какими-то другими намерениями. Тот заметно сконфузился.

– Вот что, давайте пойдем в мою комнату, и дадим парочке выяснить отношения. Это буквально 5-10 минут. Потом дальше продолжите допрос.

– Но я не с допросом, – попытался слабо возразить Дима, но Тася уже тащила его в свою комнату за руку. Мужчина не посмел сопротивляться.

– Анечка, – Тарас буквально вихрем ворвался в открытую дверь и схватил Анну в объятия. – Аня, я так перепугался за тебя. Не спал всю ночь. Я искал тебя после заварухи. Там машин было море – скорая, полиция, ОМОН или как их там... Ни среди живых, ни среди мертвых, ни среди задержанных тебя не было. Как ты добралась домой?

Анна на миг затихла, ловя момент невысказанности, а потом заторопилась увести Тараса на кухню, плотно прикрыв дверь.

– Аня, – Тарас снова попытался привлечь Анну к себе.

– Я сварю кофе, – ускользнула она. – Присядь. И послушай меня. Полиция будет тебя допрашивать. Скажи им, что мы убежали вместе, в хвосте всей компании. Но на выходе замешкались, а когда вышли, то их не было уже. Поэтому они и не помнят, что мы были с ними. Потом ты довез меня до дома. И все.

– Не понимаю. В чем тут подвох? Ты что-то скрываешь? Я действительно отстал от них, хотел вернуться за тобой. Но меня развернули у входа в зал. И эта крошечная темнота... Я на ощупь шел, держась стены. Когда вышел на улицу, то стал ждать конца событий, чтоб отыскать тебя. Но, как знаешь, мои попытки не увенчались успехом. Что происходит, Аня?

– Я вышла другим ходом, но одна. Поверь, ничего плохого не сделала. Но... понимаешь, полиции во всем нужны свидетели. А то вопросы всякие начнутся.

– Не понимаю. Вышла и вышла. В чем тебя можно заподозрить, солнышко? – Тарас встал и приблизился к Анне вплотную.

– Так ты скажешь, как я прошу? – Голос Анны стал на нотку выше.

– Да. Не беспокойся.

Анна облегченно вздохнула. В этот момент Тарас обнял ее за плечи и приник своими губами к ее. Мир закружился калейдоскопом перед взором Анны – даже закрыв глаза, она видела все. На миг показалось, будто она смотрит на себя откуда-то сверху и недоумевает, как можно о чем-то думать еще, когда ты в кольце успокаивающих рук, а горячие губы вдыхают в тебя новую жизнь – без тревог, забот, опасности....

– Кхм, – раздалось со стороны.

Анна вышла из оцепенения. В приоткрытую дверь просунулась Тася.

– Аня, ты мне нужна... – Робко и виновато произнесла она.

– Да, Тарас, ты должен сейчас уйти, – Анна нехотя выскользнула из объятий. – Прошу, не спрашивай. Так надо.

– Опять загадки, – нахмурился Тарас.

– Нет, нет. Никаких загадок, – поспешно встряла Тася. – Анечка, не хочет говорить, потому как дело касается меня. Но, так понимаю, что вы теперь почти что член нашей семьи, то какие секреты... Просто я больна, очень больна. А сейчас время процедур, а Анечка у нас искусный врачеватель. Уколы там, массажи, растирания и пр...И, понимаете, Тарас, это должно происходить строго по расписанию. И вот сейчас....

– Я понимаю, я подожду, – согласился мужчина.

– Нет, Аня так устает, что потом ей нужен отдых.

Тарас перевел взгляд на Анну. Та соглашающее кивнула.

– Это редчайшая китайская методика фунь-нюань. Поэтому процедуры строго в определенное время. Вы уж не сердчайте. Убедились, что с Аней все в порядке. Телефончик есть. Созвонитесь.

И не дав опомниться мужчине, Тася во время монолога о важности процедуры, оттеснила его к входной двери.

– Я позвоню, – сказал на прощание Тарас.

– Ага, – согласилась за подругу Тася и повернула ключ в замке.

– Уф....

– Ну ты даешь, – рассмеялась Анна.

– Ты прости, но выхода не было, – извинилась маленькая девушка. – Лейтенант рвется из клетки. У него, видите ли, время...

– Ладно, пошли выпускать птичку на волю, – все еще смеясь предложила Анна.

Но едва они сделали шаг по направлению к комнатам, как почти одновременно приоткрылись две двери, и два голоса почти хором произнесли:

– Ну что, ушел?

Тася и Анна оцепенели.

Две двери осторожно приоткрылись, и двое мужчин – Виталик и Дима, застыли в немом изумлении, глядя друг на друга....

10

– Таааак, что тут происходит? – Лейтенант сделал шаг вперед, справившись с изумлением, расправил плечи и даже чуть приподнял подбородок, дабы выглядеть внушительнее. Но все равно рядом с Виталиком выглядел как подросток.

– А что происходит? С кем? – Навстречу выволоч свое огромное тело Виталик. На его лице не читалось ни каких эмоции. Но Анна нутром видела напряжение обоих мужчин.

– Ой, мамочки, – пискнула откуда-то снизу Тася и моментально испарилась.

– Анна Ивановна, – официально обратился Дима, – потрудитесь объяснить, что делает в вашей квартире данное лицо?!

– Ага, еще скажи лицо кавказской национальности и без регистрации, – гоготнул Виталик. – Между прочим, я русский и не судим, и не под следствием, имею собственную жилплощадь и хожу в гости к тем, к кому хочу, растопчи тебя табун.

– Да, Дима, я не понимаю. Виталий разве преступник, который в розыске? – взяла себя в руки Анна. – Я ничего об этом не знаю.

– Ну... – заметно сник Дима. – Преступник он конечно еще тот. Но на данный момент незакрытых дел за ним не числится.

– Нуууу, – грозно раскрылился Виталик. – В чем дело тогда? Могу я без ментов с подружкой встретиться? А вот что ты здесь такую рань делаешь? Пальтецо он, видите ли, принес. О даме беспокоится...

– Ну... – лейтенант сконфузился и отчего-то покраснел. – Я по долгу...

– Долг у него. – Продолжал наступать Виталик. – Долги прощать надо, и тебе простится, как коню.

– Может кофе всем?! – предложила вдруг Анна, не зная как погасить накал страстей в тесном коридоре. Но ее не услышали, или сделали вид.

– Гражданин, а вы вообще кто такой? Покажите паспорт. Имею право проверить регистрацию по месту проживания. – Уцепился лейтенант за слабую ниточку.

– Я щас покажу тебе паспортину, конь тебя в гриву, – Виталик рассвирепел, чувствуя, что противник сдает моральные позиции. – Я в гостях, а паспортные данные мои тебе известны, как никому. Что, решил выслужиться, лейтеха? Не там копаешь. Между прочим, Анька, прости Анна, вчера с четырьмя, покрупнее тебя, справилась одна. А ты тут перед бабой крутого корчишь. Тоже мне, хвала и честь полиции...

– Гражданин Шпунтиков, да, я вас знаю, в этом-то и дело, что б задавать вопросы, – Дима стоял скалой.

– Что?!?! – взревел вдруг Виталик как раненый медведь. Похоже, что фамилия была его большим местом в биографии. – Да, я Шпунтиков. И что? Тебе-то как фамилия, помнишь? Голозадов или Голопередов? А?!

– Моя фамилия Голохвостов. И она не последняя в истории России. – Дима еще больше возвысился в собственных глазах в отличие от каких-то шпунтиковых....

– Ээээ, ыыы, – гора Виталика возвысилась над лейтенантом.

Еще мгновение, и неизбежное произойдет. Но, толи реакция самосохранения, то ли страх, но Дима под занесенной над ним рукой вдруг проявил чудеса. Одному ему известным способом самообороны он сделал слабый жест, Виталик крикнул и слегка осел – доза для него маленькая была, но ощутимая.

– Ну, ты первый начал... – Тряхнул Виталик головой как от мухи.

– Кооооофеее! – это уже орала во всю мощь легких Анна.

Спорщики оцепенели и повернулись в ее сторону.

– Все идут пить кофе, – более спокойно добавила Анна, передернув плечами и величественно направившись на кухню. – Давайте обсудим все мирно. Лично у меня вопросы есть к обеим сторонам.

Неведомо каким образом, но мужчины повиновались, вразвалку направившись за ней. Через пять минут уже доносился аромат свежесваренного кофе, Виталик и Дима вполне мирно, но абсолютно молча, игнорируя друг друга даже взглядом, чопорно пытались ухватить большими пальцами маленькие чашечки кофе. Анна, тоже молча, кипятила уже третью турку, когда в квартиру буквально влетел растрепанный Петр Иванович. За его задом маячило испуганное лицо Таси.

– А я... к вам, на кофеек, – оценил взором критичную ситуацию Иваныч. И расслабил сжатые кулаки рук. – Слышу, вкусно пахнет, на весь подъезд.

– А давно ли вы к нам, Петр Иваныч, в подъезд переселились? – спросила Анна лукаво, но все еще держа контроль над взрывоопасностью ситуации.

– Да вот, как-то, на днях... А у тебя, гляжу, гости... И обоих знаю.

– Иваааныч, – расплылся в искренней улыбке Виталик и протянул широкую ладонь. – Старый конь, привет.

– Петр Иванович, – Дима приподнялся и одернул китель. – Доброго здравия.

– Сиди, Дима, – по-начальственному распорядился Иваныч. Дима плюхнулся на стул.

Когда Анна сварила очередную порцию кофе, Иваныч разрядил тишину:

– А теперь, други мои, жду отчет от вас, что происходит? Как такие несовместимые личности сидят тут передо мной на кухне моей почти что дочки? Тася прибежала ко мне в панике, говорит, что драка будет сейчас. А я прихожу и, картинка маслом. Кофеек, а в глазах истерика у всех. Ну?..

– Петр Иванович, я по долгу службы и ... лично.... Вот... одежду привез... – начал Дима бодро, но стушевался.

– А меня она сама привезла, – загоготал Виталик. – Иваныч, если думаешь, что дочке твоей плохо сделаю, то ты не прав. Она сама в кобылью дугу свернет кого угодно.

– Ладно, о вчерашнем знаю вскользь, но не только от вас. Жду ваши версии.

И два, минуту назад, врага начали взахлеб рассказывать...

– Аннушка, – Иваныч повернулся вопросительно.

Анна молча достала чисто вымытую пепельницу. Здесь было позволительно курить только Иванычу, он это делал редко, но в минуты раздумий рука сама тянулась к давнишней привычке, и Анна не мешала думать.

– Что-то в этой истории не так, – Иваныч смачно затянулся. – Выслушал все стороны и версии. Не хватает звена.

И снова затяжка... Долгая и с наслаждением.

– Что не так, Иваныч? – Ватикан одним глотком допил кофе. – Хотели меня слить, но вот знаю, что Куб не из таких. Я – мелочь по сравнению с ним. Никогда акула не погонит мальков в сети.

– Угу, – кивнул Иваныч, но скорее на свои мысли.

– Петр Ивановичи, не могу делиться всей информацией, но, поверьте, цель – не Шпунтиков, и даже не Куб. Я сам не знаю кто, – Дима говори как рапортовал.

– Угу, – снова пустил кольцо дыма Иваныч.

– Чхи, – откликнулась на дым Тася, все время стоявшая у окна. На дым сигарет у нее была аллергия, но Иваныча она стойко переносила.

– Угу, – ответил Петр Иванович и ей.

– Аннушка, а дай еще кофейку своего волшебного. – Попросил вдруг Иваныч. – Дело не быстрое тут.

– Да что кофей, водочки бы сейчас, – мечтательно произнес Ватикан.

Дима соглашающее хмыкнул.

– А ты при исполнении, Голозадов, – хихикнул Ватикан.

– Да вообще-то я выходной сегодня, – смутился лейтенант. И я Голохвостов...

– Ясно, – вставила слово Анна. – Как хотите, а я так и не выспалась. Пойду отдохнуть....

– Да уж, Аннушка, досталось тебе, пойдти, – согласился Иваныч. И его подозрительно поддержали остальные.

Когда Анна проснулась, а спала почти без сновидений, то почувствовала, что на кухне созрел какой-то заговор. Если и не мирового масштаба, то вполне объединяющий во ее спасение вчерашних между собой врагов.

Время вечернее, ей пора на смену. На кухне Виталик и Дима осоловело клялись друг другу, если не в дружбе, то в нейтралитете. Иваныч выкурил уже почти пачку сигарет, по нему не было видно опьянения, но, может, от того, что он все так же многозначительно молчал. И даже Тася была под легким хмельком, или это показалось Анне? Она просто не стала вникать в эмоции сидящих гостей. Слишком много сил для этого надо. А ей сейчас самой до себя было. К тому же, весь день ждала звонка от Тараса. Даже во сне искала мобильник, чтоб не пропустить звонка. Но он не позвонил. Почему? Может тоже отдыхал от пережитого? Или другое что-то? Обиделся?

– Анька, не ходи на работу сегодня, – крикнул пьяный Ватикан. – Оплачу эту смену как за личного шофера, по тарифу, табун меня неси.

– А я справку могу дать, что в полиции была, – предложил великодушно Дима.

– Охренел? Ночью? Трупы собирала на опознание? – возмутился Виталик.

– Не, ну а чего? Следственный эксперимент, например, ночной, – не сдавался лейтенант в своей посильной помощи.

– Да ну вас, – отмахнулась Анна.

Она не привыкла быть в центре внимания. Лучше уж в одиночку. Есть время и подумать, и помечтать, и пожалеть себя, и порадоваться тому, что недоступно другим.

Анна ехала по ночному городу. Асфальтовые дороги оставляли желать лучшего, но ей не страшны были оттаявшие из-под малого снега ямы, заполненные водой. Она как сканером видела, где притормозить, а где перелететь, а где и смело шмякнуть колесом. Это было похоже на компьютерную игру, где уровни все проходишь не один раз и уже знаешь все нюансы прохождения квеста. Эх, дорогу бы как скатерть, да легкой змейкой чтоб вилась, где скорость можно развить до предвзлетной, чтоб огни фонарей вдоль трассы сливались в единую полосу, да ветер в стекло, где ты одна – , да еще скорость и ветер. Скорость, чтоб закладывало немного в ушах, а руки легко и ровно лежат на руле, а ты только легким движением выводишь на повороты. Душа поет, мотор бурчит подвластный и довольный, а ты вся в скорости и в предвкушении полета.

Бах... Это увлеклась. Не заметила, не отсканировала, не почувствовала... чух... фырх. Машина дернулась, вскрикнула и повела в сторону. Эх, табун меня, как говорит Виталик, подумала Анна. Колесо в хлам...

Анна остановилась у обочины, вышла из машины и задумчиво присела прямо на капот. Нет, она могла сама сменить колесо, могла позвонить в сервис, но ночь навеивала на совершенно другие мысли – не о хлебе насущном. Что ОНА такое на этом свете? Урод, инвалид, аномалия или человек нового поколения? Почему пугает подчас людей? Почему боится открыться даже самым близким? Не от того ли, что боится быть непонятой, осуждения или жалости? Что вкладывали в нее родители, что хотели привить, к чему готовили? И почему Тарас не позвонил, хотя рвался в рань страшную чуть ли не спасти ее, а сейчас 2 ночи. Ни смс, ни звонка. Что остановит заботливого человека выразить свое внимание? Много разных мыслей навевают ночь, луна и одиночество...

– Привет. Загораешь под луной? – неожиданно раздалось рядом.

Анна вздрогнула от неожиданности. Надо же, ее застали врасплох. Она даже не заметила машину, притормозившую рядом. Спортивный порше, мечта многих знатоков. Он подъехал почти бесшумно.

– Проблемы у дамы? – Мягкий баритон почему-то заставил поежиться и насторожиться.

– Нет, проблемы у службы сервиса, – попыталась отшутиться Анна.

– Эту проблему легко решить с вашей-то машиной, да для знатока.

– Ах, я еще не вызвала сервисное обслуживание, а оно уже здесь?

– Конечно. Я – ночной помощник. Дорога пустынна, а дама одна. Вот и я...

Молодой мужчина в оранжевом спортивном костюме рассматривал Анну с нескрываемым любопытством. Улыбка не сходила с его лица.

– А можно поинтересоваться, как молодая и красивая оказалась одна ночью на дороге, да еще с проблемами?

– Нет, нельзя, если не можете помочь просто за улыбку с моей стороны. – Анна была настроена не очень дружелюбно.

– Это мое хобби. Итак, к делу...Кстати, меня зовут Алексей.

– Спасибо.

– Понадобится, если попрошу подать ключ, а вы не будете знать какой.

– И что? Как это поможет? – Анну начал подбешивать навязчивый помощник. Видела его сразу.

Одна насмешка в нем над незадачливой дамочкой, чувство превосходства, смешанного с жалостью. Желание выглядеть супергероем при осознании своей ничтожности. Он был открыт перед ней как детская книга с яркими картинками переживаний. Что ж, ей было так все равно сейчас, что пусть... Пусть потешит свое самолюбие. А она постоит в сторонке.

11

Интересно, если бы луна была обитаема, и тамошние существа смотрели на нашу планету, то что бы они думали об огнях на ночной стороне земли? Приняли бы их за признаки разумной жизни или объясняли бы это физическими явлениями? Мысли Анны сейчас были далеко-далеко, у орбит ближайших звезд. Полная луна всегда ей казалась грустным, кричащим в горе ликом. И ее свет почти не воспринимался девушкой, но при ней все детали земного окружения мерцали грустью и тайной, наполняя душу чем-то тревожным и недосказанным.

И все-таки, почему Тарас молчит? Не то, чтоб это было очень важным, но заставляло лишний раз думать о своей ненужности.

– Все готово, – раздался за спиной голос добровольного помощника.

Анна вздрогнула, возвращаясь с луны на землю.

– Благодарю вас, – тихо произнесла она. – Сколько я вам должна?

– Вы уже назвали цену, и я жду.

– Я назвала?!

– Да, хочу увидеть вашу улыбку.

Анна вымученно растянула губы.

– Нет, это фальшивая оплата, – рассмеялся мужчина. – Мне нужно заплатить настоящим.

Неужели вы не умеете улыбаться?

– Это как? – Анна спросила это, лишь бы что-то сказать. Улыбаться от чего-то не хотелось, даже через силу, даже из вежливости.

– Как? Это же просто. Снимите эти темные очки, не понимаю – вообще зачем они вам ночью, посмотрите на человека рядом и... улыбнитесь, будто знаете меня сто лет и ужасно рады встрече.

Анна стояла как изваяние.

– Ладно, – вдруг посерьезнел Алексей. – Будем считать, что вы мне остались должны. Кстати, машину пора на диагностику и кое-какой ремонт. А то долго не протянет. Тем более в такой работе как такси.

– Спасибо за предупреждение. Похоже, что ваша машина только в масле и купается как сыр, – не удержалась замечанию Анна. Она знала, что автомобиль Иваныча давно нуждался в капитальной профилактике, но чтоб это выслушивать как критику...

– Да. Моя малышка отказа ни в чем не знает, – опять улыбался Алексей. – Она – клад для меня. Мы же с ней не разлей вода. Мы много с ней погоняли, а она как новая. И призы все только ее.

– Призы? – Анна услышала знакомые нотки в голосе молодого человека. Так любовно говорил отец о своей бугатти.

– Да, мы же ночные гонщики, – с гордостью произнес Алексей, поглаживая любовно свою машину.

– И где же такие обитают по ночам? Разве есть дороги в нашем городе? – Анна включила все свое внимание.

– Это секрет, – еще шире улыбнулся Алексей. – Хотя вам могу сказать, вы не гонщик, а значит – не конкурент. Но можете приехать и поболеть за меня. Не скажу, что у меня мало фанатов, но рад новичкам.

Анна подавила раздражение такой низкой своей оценкой, в конце концов ее не знают, и равнодушно спросила:

– А где это? – И поспешно добавила: – Может захочу стать фанаткой из толпы.

– Знаешь район «Венеция»?

Конечно знает, новомодный элитный поселок за городом, в экологически чистом месте, доступное жилье только для самых богатых. Когда он только начал строиться отец возил ее туда на экскурсию. Он и тогда поразил ее количеством мини-дворцов со всевозможной архитектурой по образу и подобию хозяев. А что стало с ним за последние 7 лет? Простому смертному даже на территорию не попасть.

– Наслышана, – уклончиво ответила Анна.

– Это недалеко отсюда, по шоссе несколько километров. Милости прошу. Там есть и подготовленные и трассы, и так называемые – дикие. Каждую пятницу в ночь на субботу. У охраны поселка можешь сослаться на меня.

– Э?!

– Алексей Гарин.

– Анна, – ответила Анна. Все-таки что-то в этом знакомстве было не зря. И фамилия Гарина тоже была знакома.

В этот момент Анна всеми своими чувствами поняла приближение чего-то объемного и мощного. Еще не раздалось ни звука, не блеснуло ни одного огня, а она уже увидела целую кавалькаду гоночных машин, на полной скорости несущихся в ее сторону.

– Похоже, что ваши друзья выехали вас встречать, – сказала Анна.

Алексей удивленно уставился на нее, но через секунду обернулся на нарастающий звук.

– Да, вы правы. Иногда молодежь ездит по городу, экстрим тоже нужен.

Еще через мгновение головные машины резко притормозив визгами тормозов и скрежетом шин по асфальту окружили их как в старом кино про плохих парней.

– Эй, Гарин, ты откуда динозавра достал? – заорал один из водителей, не выходя из машины.

– Это гуманитарная помощь с моей стороны, – крикнул в ответ Алексей. – А вы в город? Тогда я с вами. Люблю тоже нервы пощекотать, – последние слова он бросил Анне, и как-то виновато улыбнулся. – А вы приезжайте в пятницу, если не боитесь рева моторов.

И исчез за рулем своего порше, присоединившись к остальным.

– Ну, хоть колесо может поменять, спасибо, – вслух сама себе сказала Анна, так неожиданно снова оставшись одна на пустынной дороге.

Похоже, что и рабочая смена не удалась, вызовов давно не было, она порожняком возвращалась на стоянку.

На перекрестке, при въезде в город, у бара со странным названием «Ё-МОЁ», трое тормозили машину. Компания из двух парней и девушки, не твердо стоявших на ногах, посекундно вываливалась с обочины на проезжую часть. Анна не любила таких пассажиров, как правило, у них уже не было ни копейки, и они норовили улизнуть не расплатившись. Но девушку стало жаль. И Анна остановилась, хотя внутренний голос ныл и приказывал проехать мимо.

– Вам куда? – спросила Анна, едва компания в полном составе впихнулась на заднее сиденье – девушка посередине и два парня по бокам.

– Ого, баба в такси. Прикольно, – возгласил один из парней. Нас двое, а телка одна, может присоединишься?

– Куда ехать? – холодно повторила Анна свой вопрос тоном повыше.

– В Планкино.

Ого. Это другой конец города. Далеко забралась компания погулять. Но Анна оставила свое замечание при себе.

– Но я не хочу, – пискнула девушка сзади. – Мальчики, вы обещали домой меня отвезти.

– Так и везем. Где живешь-то? На Крайней. Так это рядом. – Гоготнул один из попутчиков.

– Ну, не знаю, совсем не рядом, – попыталась слабо возразить девушка.

– Так куда едем? – снова спросила Анна, включая мотор.

– Я ж сказал. Или со слухом плохо?

Машина тронулась с места, набирая скорость, и раздражение Анна росло вместе со скоростью. На секунду она переключилась на дорогу, выбирая траекторию поездки, и прикидывая расстояния до ям, попадавших на этой улице довольно часто.

День был дурацким, вечер с троицей на кухне, и ночная смена, почти бесприбыльная, с проколотой шиной, а тут еще компания недалекой молодежи. Как-то в последнее время жизнь стала ее крутить неожиданными поворотами. А все началось с этих курсов вождения и ее желания работать в такси. Или нет? Все началось раньше? Только дремало до поры до времени у дверей ее спокойной квартиры.

– Ну, нет, не надо, не трогайте меня, – раздалось сзади.

Анна не поворачиваясь охватила вниманием происходящее.

Задумка парней для нее была очевидна сразу, как только они сели в машину. А вот глупая девчонка все еще верила, что ее отвезут домой как обещали.

Парни уже развеселились на столько, что не было сил сдерживать свое рвавшееся наружу либидо, да и стесняться, похоже, бабы за рулем им не приходило в голову. Двое лапали девчонку вовсю, нагло хохотали, не переставая сюсюкать как с младенцем.

– Ну что ты, крошка. Это же весело, – гоготал один. – Щас тетя довезет нас ко мне домой, мы еще посидим, а потом ты домой баиньки пойдешь.

– Не надо, я хочу сейчас домой. Не поеду. Вы же обещали. – Отбрыкивалась неумело девчонка, да и алкоголя она приняла тоже не мало, что не придавало сил.

– Может успокоитесь? – Не выдержала наглой возни Анна. Она прекрасно видела происходящее сзади. И чувствовала нарастающий страх девчонки.

– Вези давай, извозчик. Тебя не спросили, или присоединиться все же хочешь? – огрызнулся самый шустрый, и в открытую полез девчонке под короткую юбочку.

Анна так резко нажала на тормоза, что троица на задних сиденьях лбами влетели в передние кресла, а один из парней нырнул головой чуть ли не до лобового стекла, застряв между передними креслами.

– Ты, тетка, с дуба рухнула? – Заорал сзади менее пострадавший, потирая ушибленную голову. – Я за это и жалобу накатать могу.

– Накатай, – спокойно согласилась Анна, хотя внутри все клокотало от негодования. – Только сначала вытащи свой тощий зад из моей машины и дружка прихвати.

– Куда вытащить? Ночь. А ты такси, вот и вези. Только аккуратно. Поняла? Серый, вылезай давай, разберемся с этой телкой. А потом и со второй.

Застрявший между креслами попытался выполнить команду дружка, но Анна локтем придавила его шею и громко прошипела почти в лицо:

– Не дергайся.

Тот затих послушно. Или по натуре был так вежливо исполнителен, или так пьян.

– Вылезай, – снова предложила Анна.

– Да ты совсем страх потеряла? Обязана довести до места, – уже орал «задний».

– А деньги-то есть заплатить за такси? – Невозмутимо поинтересовалась Анна.

– Есть, у меня все есть. Смотри, что у меня еще есть!!!!

Но Анна и так уже знала, что у него есть. В руке парень держал нож.

– Ой, – пискнула девчонка сзади.

– Видишь, видишь, что у меня? Обернись. Боишься?

летний синяк стремился растечься на пол-лица, закрыв полностью один глаз, но широкая садина на подбородке, заклеенная пластырем заботливой Тасей, уже не кровоточила.

– Привет всем, – устало произнесла Анна. – А где остальная часть группы спасения?

– Лейтенант ушел не так давно, делаааа, – многозначительно протянул Виталик. – А Тася спит. Умаялась с нами.

– Ага, умаялась, – усмехнулась Вера и метнула гневный взгляд в сторону мужчин. – Аннушка, эти приятели умудрились напоить девчонку.

– Да чем там – напоить, – зевнул Виталик. – Выпила-то всего один мой коктейль.

– Знаю я эти коктейли. Чего намешал-то девчонке? – Продолжала наступать Вера.

– Да слабенького и дал лизнуть. Чуть водки, а там газировка, сок лимона и оливки. Кто ж знал, что она такая слабенькая.

– Виталий, Тася отродясь алкоголя не пробовала, – укорила со своей стороны Анна. – Не надо ей делать плохо.

– Да разве ж я могу?! – Сон Виталика как рукой смахнуло. Он весь подался вперед и чуть не рванул на себе рубаху. – Да знаешь, как я к ней отношусь? Да если хочешь знать, то полюбил ее по-братски. Хорошая она, добрая. И смешная. Понимаю, что намаялся ребенок по жизни, растопчи меня табун. Сам знаю, что такое быть не как все по виду. Я с детства как медведь огромный был, не расторопный, да еще тугодум. Развести меня как лоха – дело минутное было. Все только надсмехались надо мной. Кликали глиняным колоссом. Не помню из какой сказки персона, но был такой – большой и хрупкий увалень. Да я за Таську голову оторву, кому вздумается ее обидеть.

– Ладно, разгорячился. Остынь, – Иваныч примиряющее хлопнул Ватикана по плечу. – Аннушка, никто не хотел сделать плохо Тасе. Прости. Впредь не повторится.

– Ладно. В конце концов, она совершеннолетняя, – сказала Анна, вспомнив ночных пассажиров. – Всего хочется попробовать, слишком долго она была лишена воли. Но лучше уж так, дома, с друзьями, чем где-то и не известно с кем.

– Ладно, друзья сердечные, я сготовила, вахту сдаю. Мне еще в магазин и в ремонт обуви надо забежать. Да и дел полно дома. Аннушка, ты покушай сама, да и этих, – Вера кивнула в сторону мужчин, – просто заставь поесть, легче на желудках будет.

– Ну, как ночьку провели? – спросила Анна, когда все трое уже гремели ложками и громко прихлебывали горячий борщ. – Вы, я гляжу, давние друзья.

– Ага, – гоготнул Ватикан. – Знаю Иваныча сто лет. Он же опером был, ты не знала? Молодой, горячий, его уже тогда, по-взрослому, все кликали Иванычем. Уважали все, разорви меня конными, если вру. И ваши ментовские, и наш брат. Если уж попался к нему, то не выпустит из хватки. Но никогда напраслину не гнал. Все по закону, все за дело. За честь было к нему попасть.

– Ох уж, и за честь, – усмехнулся в свою очередь Иваныч. – Забыл, как воевали с тобой? И ведь это я тебя на зону тогда отправил. Али простил? Или исправился?

– Ну, было дело, по-малолетству. Но ведь все справедливо было, Иваныч. Не, зла не держу. Надо было меня учить.

– Научился?

– Еще как. Даже спасибо скажу тебе за все. Ведь тогда мне мокруху шили, а ты один поверил, что не виноват. Вот и получил все только за свои грехи. А зона – она учит, еще как. Теперь я знаю, что можно, а что нельзя.

– Ой, только не говори, что исправился. Знаю я твои дела сейчас.

– Знать-то знаешь, а не поймашь, – усмехнулся Ватикан. – Да и не обижаю невинных и сирых. А нагреть подлеца – это святое дело сделать.

– Прямо кара небесная в твоём лице, – засмеялся Иваныч.

– А что? Думаешь, зря Ватиканом кличут. Все и всем по справедливости.

– А Дима тут при чем? – любопытствовала Анна. Ей стало интересно, как странно пересеклись судьбы разных людей здесь, на ее кухне.

– А Дима сменил меня на посту, когда я на повышение пошел. Работали вместе. Толковый парень, умный.

– Только взрывной и чушь иногда несет, – вставил Виталик.

– Это от молодости, – пояснил Иваныч. – От растерянности иногда выдержки не хватает. Зато чуйка как у пса. Если след возьмет, но не упустит, поверь. Еще когда-нибудь и тебя прищучит.

– Не, я следов не оставляю, – гоготнул Ватикан и сыто рыгнул. – А вкусно же у тебя баба готовит, Иваныч. Сто лет домашнего не ел.

– Не баба, а Вера Андреевна она, – нахмурился Петр Иванович.

– Ладно, не обижайся, – миролюбиво предложил Ватикан. – Твоя Вера Андреевна – богиня еды.

– Ладно, я пойду отдыхать, – зевнула Анна, чувствуя, как сытый желудок отяжелил ее веки.

– Нет, Аннушка, ты погоди еще, потерпи. – Остановил ее Иваныч.

Анна, уже было вставшая из-за стола, опять присела, понимая – что-то будет важное.

– Ты вот что. Расскажи нам о своем детстве. О самом раннем, что помнишь?

– У нас сегодня день воспоминаний? – попыталась отшутиться Анна.

– И все-таки, – Иваныч потянулся к сигарете.

В этот момент на кухне появилась заспанная Тася с помятым личиком.

– Здрости, – смущенно произнесла она, виновато глядя на Анну.

– С добрым утром, красавица, – улыбнулась Анна. – Не бойся, ругаться не буду. Ты большая девочка и умеешь делать выводы.

– Ой, Анечка, да я даже больше не понюхаю эту гадость. Просто интересно стало, что люди чувствуют, выпив.

– Ну и как? Почувствовала?

– Ага. Вроде все легко и весело, но потом... Даже ноги не слушались, так странно и страшно. И не помню, как до кровати дошла.

– Конечно, не помнишь. Я тебе относил, – рассмеялся Ватикан. – Ты свернулась клубочкам у меня на коленях и заявила, что ты кошка.

Все негромко рассмеялись, а Тася стала красной как борщ, остатки которого еще стояли на столе.

– Давайте, не будем смущать Тасю, было и было. Садись и поешь горячего немного, полегче станет, – Анна приглашающее протянула руку.

Тася вдруг побледнела, потом позеленела и, зажав рот рукой, бросилась в сторону ванной.

– Да убей меня копытом конь, у нее самое настоящее похмелье, с одного коктейля-то. Надо спасать сестренку, – Ватикан шумно вскочил. – Есть алка-зельтцер или аспирин на худой конец? Лимон, сода?

– Аптечка в коридоре, – показала Анна. И Виталик молниеносно исчез, прихватив кружку со стола.

– Петр Иванович, а можно ли доверять Виталику? – спросила Анна, едва тот скрылся.

– Никому нельзя доверять, даже самому себе, – уклончиво ответил Иваныч и добавил через паузу: – Но надо делать выбор. Или самому в одиночку выбираться из трясины, или все ж принять помощь. Уверен, что Виталик тебе не враг во всяком случае.

– Не понимаю, о какой трясине говорите, но я верю вам. Что вы хотите знать конкретно из моего детства и зачем это нужно?

– Все, что связано с твоим недугом и твоими особыми способностями.

– Но я была очень маленькая, и много не понимала. Вернее – ничего не понимала.

– Вот и расскажи обо всех деталях, что помнишь, ничего не упусти.

Анна задумалась, возвращаясь в уголки давней памяти.

И только она открыла рот для рассказа, как ожил мобильник.

– Тарас! – Удивленно воскликнула она, даже не взглянув на телефон. – Извините.

Анна вбежала в комнату, плотно прикрыв дверь.

– Я слушаю.

– Аня, ты не спишь? Привет, это Тарас.

– Нет, не сплю. Только собираюсь, – сердце учащенно забухало где-то у самого горла.

– Извини, вчера не мог позвонить, – голос был несколько смущенным. – Сначала немного обиделся, прости – говорю, как есть. Потом подумал, что наверно отдыхаешь. А вечером срочная работа подвернулась. Конец месяца – сама понимаешь.

– А ночью? – сорвалось с языка. Нет, она не собиралась упрекать и требовать. Ведь ночью нормальные люди спят. Но, зная, что она работает, мог бы просто сказать – «привет, как дела?» в трубку.

– Прости, так получилось. Телефон разрядился, пока добрался до дома. Поставил на зарядку и уснул, устал очень.

– Ладно. Все в порядке. Рада тебя услышать, – Анна облегченно вздохнула. Оказывается, все так просто объяснилось. А она? Сразу на луну глядеть...

– У тебя все в порядке? – Долгожданные слова для любого человека, кто хоть раз чувствовал свое одиночество.

– Да.

– Хочешь, я к тебе днем заеду? Может что-то в магазине надо? Я сегодня почти весь день свободен.

– Спасибо, у меня все есть. – А сердце кричало: «Да, да. Ничего не надо, только приезжай сам. Просто так, чтоб почувствовать твоё тепло рядом. Чтоб ночью не вопрошать грустную луну, почему только она ей подруга. Чтоб забыть о проблемах и мыслях, не всегда радостных. Чтоб не следить за чужими эмоциями, насторожившись брошенной собакой. Чтоб расслабиться и побыть просто собой!»

Но Анна промолчала. С чего она взяла, что может быть сама собой с Тарасом? Он для нее так и оставался темным пятном с проблесками эмоций какого-то непонятного интереса к ней. Да и как можно считать серьезным к ней отношение человека, который ничего не знает про нее? Может напугается и сбежит?

– Ну, как скажешь. Не буду навязываться, – в голосе прозвучало разочарование. – Но все-таки, я могу надеяться на новую встречу?

– Да, – и тут же: – Возможно. Только не в ресторан.

– Ты права, поход в ресторан был неудачным, – повеселел голос. – Тогда в субботу? Можно в парк на аттракционы сходить, весело поорать. Или в кино, например? 3D? Новая лента вышла, говорят крутая картина. «Обитель слепца» называется.

– Созвонимся к субботе, извини, мне надо сейчас отдохнуть.

Почему именно на это кино с многоговорящим для нее названием? Сердце тревожно сжалось. Тарас что-то знает? Чушь... Так совпало. Анна, ты становишься параноиком. А аттракционы она не очень любила, и никогда не орала на них от страха. Отец часто водил ее на такие развлечения. А ей даже немного было скучно. Ибо не понимала эмоций окружающих. Что тут страшного? Ведь видны все строго рассчитанные конструкции и траектории. Инженерная мысль спроектировала все до мельчайшего миллиметра безопасности. Но отцу было всегда весело, он будто становился сам ребенком. И Анна всегда соглашалась на парк, развлекая себя тем, что разглядывала евклидову геометрию в сложных сплетениях железа и бетона.

А вот в 3D отец ее не водил ни разу, хотя уже тогда появился этот формат. Почему? Она никогда не задумывалась. Если что-то отец считал не нужным, то это не обсуждалось, хотя он

строго всегда следил за всеми новинками науки, техники и индустрией развлечений, и знакомил с ними Анну, но кино 3D в список его интересов не вошло. Что ж, это будет любопытным опытом.

По коридору прошаркали шаги, Анна вышла из комнаты. Ватикан тащил маленькое тело Таси, завернутую в махровый халат Анны, сложив его на манер детского конверта, из которого торчала мокрая голова девушки с несколько удивленным лицом.

– Отнесу ценный груз в комнату и вернусь, – притормозил Виталик. – Я ее намочил и дал похмелиться.

– Что?!!!

– Прости, протрезвиться. Бабушкин метод. На стакан холодной воды чайную ложку сахара, потом полчайной лимонной кислоты и только потом треть ложки соды. Пить пока шипит. Шипучка от трясушки – так бабка это называла, когда деду плохо было с утра. Классный антипохмелин, на себе не раз пробовал. Будь спок, Аннушка. Через часок оклемается почти полностью.

Анна вздохнула. Тасю было ужасно жаль, но, похоже, что она в надежных руках. И, отрицательный опыт – тоже опыт.

13

Детство? С какого момента Анна осознала себя, и что она знала об окружающем ее мире? Наверно она помнила даже свое рождение... Этот темный туннель со светом в конце. Хотя свет ею воспринимается совсем не как всеми. Но помнила и врачей, помогавших ей родиться. Видела их лица в масках как со стороны. Будто она на руках у них, и в то же время парит над всем этим. Чье-то удивление ее внешним видом. Нет, слов она тогда не понимала, но чувства уже видала и они ей не очень понравились. Тогда она и развернула всю мощь легких...

Что еще? Помнит бесконечные обследования, жуткие иголки, больно втыкающиеся в нежное тело. И постоянную давящую жалость к ней. Но над всем этим доброе лицо мамы. Ее жалость не угнетала, она была особенной – эта жалость, с примесью гордости даже. И с бесконечной любовью. Абсолютной, все меняющей и оберегающей любовью. Потом папа – сильный и громкий, постоянно пахший техникой и мылом.

Жили они в непонятном месте. Она тогда не знала другого мира. А этот – светлый, белый, стерильный, с поглощением чувств и эмоций, где ночь наступала только тогда, когда они хотели. И настоящим чудом было изредка видеть солнце и обнимать душой совершенно другой мир, наполненный живыми звуками. Только года в три Анна узнала, что дом ее называется – лаборатория. А мама здесь главная. Что она, Анна, особенная девочка, не такая как все. Хотя... особенными там были все дети. Она помнила мальчика без рук, рисовавшего удивительные мистические картины; девочку, никогда не спавшую; а какое-то время ее подругой была Вероника, которая знала будущее. Куда они потом все делись – этого Анна сказать не могла.

Помнила, что как-то родители поспешно ее одели, сунули в руку любимую куклу, и быстро куда-то шли по мягкому ковру лесного мха. Была ночь, но Анна хорошо ориентировалась в темноте. Папа рассказал ей про ориентир, которого они должны были держаться – это высокая мачта спутниковой антенны, и постоянно спрашивал маленькую Анну, в какой стороне та находится. Ей тогда казалась, что это очередная игра, и хотелось громко веселиться. Ей не было страшно, но тревожное биение сердец родителей делали ее притихшей.

Потом нарастающий звук огромной птицы. Это был вертолет. Ощущение полета с захватывающим шумом. И огромное озеро воды – бесконечное и величественное... Это все обрывки детских воспоминаний до пяти лет.

Потом настала совсем другая жизнь. Она совсем не была похожа на прежнюю. И она Анне нравилась. – спокойная, с частым солнечным светом, с новыми звуками и огромным

количеством людей, которым не было до нее дела. Плохо было только одно – она начисто была лишена общения с другими детьми. А если они и приходили на редкие праздники, то ее все время заставляли надевать темные очки, что ужасно раздражало и мешало. Да и не было времени завести друзей, они постоянно переезжали, меняли дома, города. Пока наконец не осели в этом мегаполисе – не столице конечно, но и не в самом маленьком. Отец постоянно говорил – хочешь спрятаться от врага, то будь у него на виду. Кто этот враг и почему от него надо прятаться – Анна тоже не понимала. А на все ее расспросы родители умело переключали разговор так, что Анна потом и не возвращалась к ним. Она знала только одно, что ей надо скрывать свои особенности и прятать глаза от всех.

– А что за особенности, я че-то не понимаю, – прервал рассказ Ватикан. – И что не так с глазами? Чего я не знаю, поясните? А то сижу как истукан, растопчи меня конь.

Анна застыла в нерешительности.

– Не бойся, Анечка. Виталик – крепкий мужик, – подбодрил Иваныч и слегка усмехнулся.

Анна нерешительно сняла очки и медленно подняла веки.

– Ох, сожрать мне мертвого коня!!

У Ватикана открылся даже заплывший синяком глаз.

– Да что же... да как же, – только и мог молвить он. – И я еще сел к тебе в машину. Сдохнуть – не встать!!!

– А вот это уже про особенности Анны, она при всем этом видит больше даже, чем мы, – пояснил Иваныч.

Виталик судорожно глотнул остывший кофе и надолго замолчал, больше не прерывая рассказ Анны.

Мама была биохимиком, а папа инженером-физиком, просто помешанным в свободное время на автомобилях. Во всех новых жилищах обязательно отводилось место под мамин кабинет с бесконечными колбами и аппаратами. А у папы был вечный гараж с автомобилями – он даже занимал призы в каких-то загадочных гонках, куда Анна ни разу не ходила. Мама сетовала, что угробит себя этим, а вышло все не так в жизни. Умерла первой она – нелепо и быстро. Просто однажды не вышла из своей лаборатории, а когда папа спохватился, то нашел ее мертвой на полу. Лицо и руки ее были сильно обезображены язвами. Отец куда-то позвонил, и в ту же ночь они уехали из города, даже не похоронив мать. Анне было 10 лет. Впрочем, как потом Анна узнала, отец все-таки был на похоронах матери, тайно наблюдая со стороны. Родители очень любили друг друга.

С тех пор, куда бы они не перебрались, отец воссоздавал лабораторию мамы хотя бы внешне – раскладывал бумаги, ставил пробирки... и иногда долго сидел в ней вечерами, будто ожидая, что мама вот-вот вернется... но чаще он пропадал с машинами. Впрочем, нет. Анне он уделял больше времени. Он водил ее по всем уголкам города, рассказывал и показывал все значимые и не очень места. Дл я чего это было надо? Анна воспринимала это все так же – игру. И ей просто было хорошо вместе с отцом, ведь больше у нее не было никакого общения. Впрочем, вскоре отец приобрел компьютер, и вот там Анна смогла научиться общаться с людьми, строго соблюдая наказ отца – не рассказывать о себе всего никому и никогда...

Кстати, еще она помнила, что живя в лаборатории, ее и звали иначе. Анной она стала и с другой фамилией уже потом.

– И как звали? – спросил Иваныч.

– Простите, Петр Иванович, можно я пока промолчу. Это ведь не важно сейчас.

– Ты права, – согласился мужчина. – Правильный мужик был отец у тебя. А с ним что произошло?

– Он погиб. За рулем любимой машины. Хотя я не могу представить, как такое могло произойти с опытным гонщиком.

– Самоуверенность, – подал признаки жизни Виталик. – Знал таких. Слишком был уверен в себе и не рассчитал возможностей.

– Только не папа. Он не был таким. Он всегда был осторожен. Он помнил ответственность за меня. Он боялся оставлять меня одну. Он даже после смерти мамы отказался от участия в гонках, чтоб не рисковать зря.

– Кое-что прояснилось, – задумчиво произнес Иванович.

– И что? – Встрепенулся Ватикан. – Лично для меня ничего не прояснилось. Девочка из пробирки что ли?

– Нет, тут Виталик, другое дело. Мне пока не ясна вся картина, но боюсь, что Анна, выйдя из подполья на работу, завела какой-то механизм.

– Какой механизм? – Не унимался доказывать свою тугодумность Виталик.

– А что? Разве не слышал последние байки про привидение за рулем ночного такси? Ладно Аннушка не общается почти ни с кем, но ты-то наверняка слышал.

– Ну, слышал. Так баек городских море. Я не особо обращаю внимание на это.

– Аннушка, ты пугала народ? – Улыбнулся Иваныч, обращаясь к девушке.

– Было дело.. – не без смущения призналась Анна. – Вот сегодня, например...

И она рассказала ночное происшествие.

– Вот, пожалуйста, – развел руками Иваныч.

Виталик ржал как сумасшедший.

– Ну, ты даешь. Понимаю теперь, как ты Куба и компанию обратила в бегство. Хотел бы я быть при этом.

– Так ты там и был, – улыбнулась Анна. – Только лежал без чувств и растил свой фингал.

– Не, ну я же не видал картинки. А жаль... Думаю, что пора мне и домой возвращаться. Куб не явится в этот город никогда. Знаю я его натуру. Он на мистике просто помешан, в штате обслуги у него даже ворожеи есть. Нет, милая моя, теперь Куба пусть ищут в другом месте. Теперь я местный владыка. И тут ты мне помогла. Ха-ха-ха.

– Ты про владыку не загибай, – предупредил Иваныч. – Ты Ватикан – анклав.

– Кто?!

– Маленькое государство в государстве. Но, не напрягай мозг – вредно. Мы сейчас про Анну.

– Да я Аньке друг по гроб, – Ватикан для пушей убедительности даже стукнул себя кулаком в грудь.

– Я мало чего понимаю, – призналась молчавшая до этого Анна. Она снова надела очки, от чего Виталик расслабился. – Какой механизм запустила, кому мешаю?

– Мы тут всю ночь не зря болтали, – признался Иваныч. – Не только водку пили. Нужны были еще детали от тебя. И Дима сейчас не зря рыщет.

– И что все это значит?

– погоди, Аннушка. Еще жду доклада Димы. Ты давай иди отдыхать, да и у меня дела есть. А позже встретимся.

– Э, а мне что делать? – Недоуменно развел руками Виталик. – В сторону я, значит?

– Нет, Виталик, ты за охрану остаешься. Предложил Иваныч. – Анну нельзя оставлять одну. Анна, и с работой пока повремени.

– Ну как же так?

– А вот так. Берем на свое довольство. Так, Виталик?

– Я всеми руками «за», – отозвался Виталик. – При таком раскладе остаюсь тут под предлогом зализывания раны. И еще дружкам позвоню.

– А вот это лишнее, – отказал Иваныч. – в данной ситуации, чем меньше народа вовлечено – тем лучше.

– Да, ладно, Иваныч. Сделаю так, что комар носа не подточит. Никто ничего не узнает.

– Нет, – отрезал Иваныч. – Пару дней дайте.
– Мне теперь и на свидание не сходить? – Вдруг встрепенулась Анна. – Что же происходит?

– Лучше повременить, – опять скомандовал Иваныч.

– Ну, уж нет, – Анна встала. – Мало того, что устраиваете тут ночные заседания, какие-то расследования, интриги, так еще и меня под домашний арест. Имейте в виду, что у меня в субботу свидание.

– Тарас? – сощурил глаз Иваныч.

– И что с того?

– Один раз ты с ним сходила...

– А он-то тут при чем? – Анна начала терять терпение.

Иваныч лишь пожал плечами, все также многозначительно поглядывая на девушку.

– Все, мне надоело. Я спать. Будут вопросы или новости – будить после 14.00.

С этими словами Анна демонстративно вышла вон. Да что они себе тут позволяют? Что еще за тайны мадридского двора? При чем тут ее детство? Она рада, конечно, была вспомнить его и с кем-то поделиться, но видеть в этом интригу сегодняшнего дня – это чересчур...

А что там говорил Тарас? Уже засыпая, Анна улыбнулась, вспомнив о нем. Парк – идея, конечно, не очень, но с Тарасом все будет восприниматься иначе, чем в детстве с отцом. С Тарасом хоть на край света. А вот кино 3D будет для нее новинкой. И еще... ускользающая тема, идущая из подсознания. Ночь, рев мотора и скорость... Боже! Они существуют – эти безумцы, ночные гонщики. Сон на минуту как рукой сняло. А что если?..

Анна снова улыбнулась своей затее, но додумать ее не успела, как сказало напряжение последних часов, и она уснула. Но мозг – этот труженик без сна и покоя, уже прокручивал планы и их осуществления, подключая для этого саму Вселенную.

Когда Анна проснулась, на улице уже смеркалось. До работы было еще куча времени. На кухне варила свежий кофе Тася, приспособив под свой рост небольшую табуретку, неведомо откуда взявшуюся. На подоконнике расположился Паша.

– О, спящая красавица проснулась, – вместо приветствия произнесла маленькая девушка.

– Здравсти, – робко поздоровался студент.

– Похоже, что мое жилище уже мне полностью не принадлежит, – без всякой злости сказала Анна. – Утром одни гости, вечером другие.

– Не ворчи, – посоветовала Тася. – Садись кофе пить с молоком.

– Да я что, против? Я уже привыкаю. – Согласилась Анна.

– Смотри, что Паша мне смастерил. Сааам, – гордо произнесла Тася, показывая ни табуреточку, будто это был по крайней мере трон принцессы.

– Удобно, практично, – похвалила Анна, разозлясь на себя, что сама не додумалась раньше об удобствах маленького человека. Похоже, что этот студент – добрый и внимательный парень.

– А еще, Павлик, – Тася произнесла имя на свой манер, будто это она его придумала, – принес классную игрушку про гонки. Реалистичность сто процентов. Никогда не думала, что буду визжать от восторга.

– Это еще что, – встрепенулся Павлик. – А вот еще есть виртуальные шлемы. Так вот там точно реально все.

– Кстати, про гонки. – Тоже встрепенулась Анна. – Тася, я уже поняла, что мастерица на все руки. Помоги мне костюмчик гонщика сваять.

– Кого? – Тася глаза вытаращила как блюдца.

– Мне надо очень для одного дела, для маскарада, понимаешь, – уклончиво ответила Анна.

– А, для маскарада. А что, скоро новый год или хэллоуин? – Тася сощурила глаза. – Не нравятся мне твои затеи.

– Ну Тусик...

– Ладно. Я – добрая фея, и исполняю желания. Только чур, Павлик с нами.

– Как это? Зачем?

– Ну, кто как не он знаток примочек всяких в экипировке гонщиков. Он в игре уже на сто восьмом уровне. Подскажет, – не унималась Тася.

– А что? Я согласен, прикольно будет в реале изобразить что-то из гейма, – тряхнул Паша жидким хвостиком волос. Глаза горели уже азартом.

– Хорошо, пусть будет и Павлик, – махнула рукой Анна. А чего ей было терять? За последнее время она стала обрастать друзьями как снежный ком. Причем компания подбиралась скорее на притяжении противоположностей, чем на схожести.

14

Анна решила устроить себе настоящий выходной. Сославшись на нездоровье, отпросилась с работы. Благо – заработок был сдельным и не зависел от выработки по часам. Она часа четыре провела в гараже, расположенном неподалеку в гаражном блоке, и тщательно проверила отцовский, а теперь уже ее, гоночный бугатти. Машина стояла при полной готовности. И хоть Анна не так часто, как хотелось бы, выбиралась на ней на прогулки, но всегда тщательно и придирчиво относилась к ее состоянию. Автомобиль был как памятник отцу, который в ней души не чаял, и с любовью проверял и ремонтировал каждую деталь. Анна отличалась такой же заботливостью. Она наизусть знала почти каждый миллиметр деталей, их взаимодействие, силу трений и даже потоки микросхем. Стоило девушке включить зажигание – машина встряхивалась как живая и, казалось, даже улыбалась, довольно урча сытым котом. У Анны с ней было полное взаимопонимание. Сколько шальных километров они накатали по разным дорогам, где царствовали только одни двое, да еще солнце, звезды и ветер. Бугги – так ласково называл автомобиль отец. И Анна мысленно, а иногда и вслух, называла ее так же, разговаривая с ней как с близкой подругой.

– Ну что, Бугги, не подведешь меня и на этот раз? – спросила Анна, ласково проведя ладонью по капоту.

Машина едва уловимо моргнула светом фар.

– Я так и знала. Ты чувствуешь все. И знаю, что если бы ты не была уверена на все сто, или что-то тебя насторожило, то обязательно дала бы мне знать.

Бугги несколько презрительно фыркнула. Да, случалось и не один раз, что Бугги проявляла характер. То вдруг не хотела заводиться, трясясь всем своим железным телом; то резко меняла траекторию и скорость движения, отчаянно цепляясь за дорожное покрытие; то неожиданно врубала музыку на всю громкость – все это и многое другое Анна научилась понимать. Таким образом машина чаще всего хотела предупредить о неполадках в своей системе, или остановить Анну перед какой-то опасностью. Анна была уверена в ней как в себе самой. Ей иногда даже казалось, что дух отца поселился в этой груди железа. Иначе, откуда такая чуткость?

Дома Анну ждал настоящий сюрприз. Едва она вошла в квартиру, как Тася заговорщицки втащила ее в комнату и указала на разложенный на диване костюм гонщика.

– Нет, Тася. Что за клоунада? – сморщилась Анна. – Я хочу быть похожа на ночного гонщика, а не на клоуна в цирке. Зачем тут плащ с рисунком?

– Согласна, перебор, – согласилась маленькая девушка, отбрасывая саржевую тряпку. – В сторону плащ. Хотя... рисунок Павлик подбирал. Классный.

– А шапочка с дыркой зачем?

– Ну как зачем? Это же шлем, – удивилась непонятливости подруги Тася. – Настоящего-то у нас нет.

– Есть. Я принесла. В прихожей, в пакете, – призналась Анна.

– Здорово! – воскликнула Тася, исчезая из комнаты.

– Впрочем, остальное все хорошо, – призналась Анна вернувшейся через секунду подруге. Ей стало жалко Тасю, та старалась ради нее.

– Остальное?! Аня, а что остальное-то? Лосины и курточка в обlipкy? Я их просто нашла в твоём гардеробе.

– Правда? Значит, я запомятовала, – несколько смутилась Анна.

– Так, ладно. Меняем планы не месте. Одевайся. – Скомандовала беззастенчиво Тася.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.